947
Б-87

ГЕТМАНЪ
БОГДАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Съ литографированнымъ портретомъ Богдана Хмельницкаго.

Николая Бранке.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ИЗДАНІЕ ВАСИЛІЯ ЗИНОВЬЕВИЧА БОЛЬШИХЪ.

МОСКВА.
Типографія А. А. Торлецкаго Моховая, д. Торлецкой.
1877.

947
Б-87

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

275 до 22/V 39

Колич. пред. выдач _____
Вологда, тип. „Сев. Печатник". Зак. 2595

К0
П 34 г.
ЖК

ГЕТМАНЪ
БОГДАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ
ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Николая Бранке.

56619
19
Московская Губернская Центральная Библиотека

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

ИЗДАНІЕ ВАСИЛІЯ ЗИНОВЬЕВИЧА БОЛЬШИХЪ.

МОСКВА.
Типографія А. А. Торлецкаго Моховая, д. Торлецкой.
1877.

947
Б84

Дозволено цензурою. Москва, 2 Марта 1877 г.

Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій.

ПОСВЯЩАЮ

Маріи Ивановнѣ

ФОНЪ-БРАНКЕ.

Вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность посвятить Вамъ, дорогая моя матушка, мой первый трудъ, въ этомъ небольшомъ историческомъ разсказѣ, въ знакъ моей полной, душевной признательности за то, что Вы первая, которая, со дня моего рожденія, старалась вдохнуть въ меня тѣ горячія чувства любви къ Вѣрѣ Престолу и обожаемой Святой Руси, которыя я вездѣ и всегда, какъ Святыню, сохраню до послѣдней минуты моей жизни!

Многолюбящій сынъ Вашъ

Николай Бранке.

1874 года 15 іюля
Село Орловая-Балка.

Прошло болѣе 200 лѣтъ съ того времени, какъ знаменитый Богданъ Хмѣльницкій сложилъ свои кости среди обожаемаго имъ малороссійскаго народа, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь.

Благодарное потомство изъ поколѣнья въ поколѣнье передаетъ его дѣла, а исторія записала его имя на своихъ скрижаляхъ.

Между тѣмъ все-ли сдѣлано уже для того, чтобы это дорогое имя стояло на высотѣ той славы, какой оно достойно? Нѣтъ,—настоящему только времени суждено отдать ему полную дань сердечнаго долга, чтобы его имя вѣчно жило среди народа, чтобы оно, такъ сказать, вошло въ тѣло и кровь народа, чтобы народъ сознялъ, что Богданъ даровалъ ему будущее развитіе его, въ общемъ организмѣ великой русской семьи, присоединивъ Малороссію къ Россіи, чтобы, наконецъ, его имя служило идеаломъ стремленій народа къ достиженію своего благосостоянія.

Въ настоящее царствованіе, на ряду дѣлъ, совершенныхъ для блага Россіи нашимъ обожаемымъ Монархомъ, предположено воздвигнуть въ Кіевѣ памятникъ Гетману Богдану Хмельницкому, который, на закатѣ дней своихъ, имѣлъ утѣшенье видѣть осуществленіе завѣтныхъ своихъ желаній подъ скипетромъ Русскаго Царя.

Полагаю, что во время будетъ теперь и мнѣ, не претендующему вовсе на званіе автора историческихъ

сочиненій, принести обществу свой посильный трудъ, въ простомъ, но полномъ истины, очеркѣ подвиговъ Богдана.

Надѣюсь, что мой трудъ найдетъ мѣсто въ тѣхъ первоначальныхъ народныхъ школахъ, задачей которыхъ служитъ доставить массѣ народа здравыя понятія по отношенію къ Вѣрѣ, Царю и Отечеству, и доказать народу, что воспоминаніе о великихъ отечественныхъ событіяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ, болѣе всего можетъ укрѣпить въ народѣ сознаніе счастья, которымъ онъ пользуется подъ Державнымъ Скиптромъ Августѣйшаго Монарха и послужить урокомъ, какъ должно жить, трудиться и служить, чтобы честно исполнить свой долгъ.

Николай Бранке.

«Зиновій Хмѣльницкій принадлежитъ къ разряду тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ выпадаетъ на долю разрѣшеніе крупныхъ задачъ въ жизни народовъ. Такихъ людей называютъ великими. Но народъ, обязанный Хмельницкому освобожденіемъ отъ чужеземнаго порабощенія, не назвалъ его великимъ, а прозвалъ Богданомъ и этимъ прозваніемъ прекрасно опредѣлилъ свое нравственное отношеніе къ Польшѣ и къ Россіи: человѣкъ, освободившій его отъ первой и возсоединившій его съ послѣднею, явился сознанію народному Богомъ даннымъ».

М. Юзефовичъ.

ГЕТМАНЪ

БОГДАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ

ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Отецъ Богдана Хмѣльницкаго, Михайло, сотникъ Чигиринскаго козачьяго полка, былъ уроженецъ города Лисянки. Службу свою онъ началъ у Польскаго короннаго гетмана Жолкевскаго, потомъ былъ сборщикомъ податей и счетчикомъ въ Чигиринѣ, въ награду за свою усердную службу получилъ хуторъ Субботовъ, женился на дочери одного простаго козака, и Богу было угодно отъ этого брака подарить Украйнѣ ея освободителя въ лицѣ Богдана.

Въ 1620 году козаки помогали Полякамъ въ войнѣ противъ Турокъ, но эта война кончилась для нихъ очень неудачно. Турки разбили ихъ въ сраженіи при Церорѣ (мѣстечко при рѣкѣ Прутѣ).

Въ этомъ сраженіи былъ убитъ отецъ Богдана, самъ же Богданъ, въ этотъ горестный для него день, впервые оказалъ чудеса храбрости: видя, плавающее въ крови, тѣло отца своего, онъ какъ раненый львенокъ, влетѣлъ

далеко въ ряды непріятельскіе и, нещадя своей жизни, рубилъ направо и налѣво, мстя Туркамъ за смерть отца; но наконецъ, будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, долженъ былъ сдаться плѣннымъ. Турки, видя его храбрость и молодость, пощадили его жизнь, но продержали его два года въ плѣну. Плѣнъ этотъ принесъ Богдану пользу: онъ изучилъ турецкіе нравы, обычаи, языкъ и способъ вести войну, что было для него весьма пригодно впослѣдствіи. Черезъ два года, по размѣнѣ плѣнныхъ, онъ вернулся въ свою родную Украйну, вступилъ на службу къ Потоцкому, одному изъ богатѣйшихъ польскихъ пановъ, и завѣдывалъ его конюшнями. Преданіе говоритъ, что Потоцкій, однажды, напившись пьянъ, едва не отрубилъ головы своему конюшему. Богданъ бѣжалъ отъ него въ Запорожскую Сѣчь и записался въ козаки. Тамъ онъ своимъ умомъ, храбростью и смѣтливостью пріобрѣлъ себѣ отъ всей Запорожской братіи любовь и уваженье. Не смотря на это, не сидѣлось ему въ Запорожьѣ. Желаніе славы и любовь къ родной Украйнѣ заставили его вернуться на родину и записаться въ Украинскіе козаки. Онъ и здѣсь, тоже, въ скоромъ времени, благодаря своей талантливой натурѣ, сдѣлался общимъ любимцемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ дослужился до почетнаго званія войсковаго писаря. Богданъ горячо любилъ козаковъ и ревностно защищалъ козачью вольность, но научившись у Іезуитовъ хитрости и лукавству, онъ умѣлъ ладить съ Поляками—до поры, до времени и увѣрять ихъ въ своей дружбѣ. Это онъ дѣлалъ съ цѣлью

скрыть свои настоящія намѣренія и отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе со стороны Поляковъ, выжидая благопріятной минуты нанести имъ рѣшительный ударъ и освободить дорогую Украйну отъ ненавистнаго, тягостнаго и позорнаго Польскаго ига.

Не долго пришлось ждать Богдану. Сами обстоятельства скоро вызвали его на явную и ожесточенную борьбу съ ними: сидѣвшій въ это время на Польскомъ тронѣ, король Владиславъ задумалъ, при помощи козаковъ, произвести въ Польшѣ переворотъ, чтобы усилить свою королевскую власть, которую у него почти всю отняли паны и ксендзы. Они дошли до такого самоуправства, что не хотѣли слушать ни короля, ни сеймовъ, когда имъ приходилось защищать угнетенныхъ крестьянъ отъ варварскаго обращенія помѣщиковъ. Это было горькое время для народа, особенно потому, что къ другимъ бѣдствіямъ присоединилось еще новое зло—введеніе Уніи; оно особенно тяжелымъ бременемъ легло на простой народъ, твердый въ вѣрѣ своихъ предковъ, не желавшій отстать отъ православнаго благочестія. Дворянство же, подстрекаемое ксендзами, напротивъ того, почти все перемѣнило вѣру, языкъ — сдѣлалось Поляками. Черезъ 30-ть лѣтъ какихъ-нибудь, послѣ введенія Уніи въ западномъ краѣ, только одни крестьяне съ своимъ духовенствомъ остались русскими по вѣрѣ, языку и нравамъ, — все остальное ополячилось. Естественно, что паны стали смотрѣть теперь на крестьянъ, не только какъ на безгласныхъ рабовъ, но и какъ на презрѣнныхъ ере-

тиковъ, исповѣдующихъ хлопскую вѣру, говорящихъ хлопскимъ языкомъ.

Хотя и до Уніи, крестьяне закрѣплены были за панами и сдѣланы ихъ полными рабами, хотя паны могли казнить своихъ крестьянъ, не давая никому въ томъ отчета, но все таки до Уніи, по крайней мѣрѣ, единоисповѣдуемая православная религія удерживала, смягчала, такъ сказать, жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами, но теперь и эта связь рушилась. Угнетеніе народа доходило до ужасающихъ размѣровъ! Не говоря уже о тяжелыхъ работахъ, о безчисленныхъ поборахъ, пошлинахъ, которыми обложены были домашній скотъ, хлѣбъ и все добро крестьянское,—самая религія теперь сдѣлалась причиной новыхъ поборовъ и притѣсненій. Польскіе паны обыкновенно отдавали имѣнія свои жидамъ въ аренду, а жиды выдумывали новые поборы, и если крестьяне не слушались, то казнили ихъ смертью.

Алчные жиды извлекали выгоду даже и изъ религіи православной: они брали на откупъ православныя церкви, назначали таксу за каждое Богослуженіе, обложили податями крестины, браки, погребеніе, установили, такъ называемый, пасочный сборъ, т. е. требовали, чтобы православные покупали у нихъ къ празднику пасхи—столько пасхальныхъ хлѣбовъ, сколько было въ семьѣ душъ, не исключая даже и дѣтей. Цѣну на хлѣбъ назначали, конечно, произвольную и, разумѣется, большую.

Кромѣ всего этого, жиды, желая угодить Полякамъ, вмѣстѣ съ ними издѣвались надъ православной вѣрой,

ругались надъ священниками. Нерѣдко толпа пьяныхъ шляхтичей какого-нибудь богатаго пана врывалась въ церковь или монастырь, безчинствовала, грабила, подвергала монаховъ и священниковъ позорнымъ мученіямъ, принуждая ихъ принять Унію. Все это сходило имъ съ рукъ безнаказанно. Польское правительство и законъ не обращали никакого вниманія на эти наглости; бѣдный народъ стоналъ въ изнеможеніи и терпѣливо несъ свой крестъ! Одинъ современникъ (Бопланъ), описывая это время, говоритъ: крестьяне мучатся въ Польшѣ, какъ въ чистилищѣ, а паны ихъ блаженствуютъ, какъ въ раю. Вслѣдствіе такихъ угнетеній народъ чрезвычайно обѣднѣлъ. Польское правительство начало раздавать на Украйнѣ земли панамъ и шляхтѣ, а жившихъ на этихъ земляхъ вольныхъ козаковъ закрѣпляло за панами и дѣлало полными ихъ рабами. Не вытерпѣло воинственное населеніе, утомленное попраніемъ всего святаго и человѣческаго, не захотѣло оно покориться одной участи съ участью польскихъ хлоповъ. Встала вся Украйна противъ Поляковъ и жидовъ и начался рядъ кровопролитныхъ войнъ! Къ украинскимъ козакамъ присоединились и Запорожцы. Сначала Полякамъ удавалось усмирять эти возстанія, подвергая предводителей мучительнымъ казнямъ. Такъ Гетманъ Наливайко былъ изжаренъ въ мѣдномъ быкѣ, съ другаго предводителя возстанія, Павлюка, съ живаго содрали кожу. Но когда мстителемъ, въ это тяжкое для народа время, явился Богданъ Хмельницкій, во-

одушевленный пламенной любовію къ Украйнѣ, тогда дѣла приняли другой, плачевный оборотъ для Поляковъ. Само провидѣніе, казалось, руководило храброй, мощной рукой Богдана. Всѣ обстоятельства сложились въ пользу козаковъ: Владиславъ, недовольный самовольемъ Поляковъ и зная, сколько мученій и жгучаго горя натерпѣлись они отъ пановъ, съумѣлъ склонить Богдана на свою сторону. Онъ послалъ козакамъ милостивую грамоту, позволилъ имъ самимъ выбирать себѣ начальниковъ, имѣть свой судъ, увеличить войско вдвое больше прежняго, и много другихъ льготъ далъ онъ еще козакамъ. Грамота эта была отдана козацкому полковнику Барабашу, да войсковому писарю Богдану Хмельницкому, но до поры до времени приказано держать ее въ тайнѣ.

Догадались польскіе паны, что черная туча собирается надъ ихъ головами и стали еще безбожнѣе обращаться и притѣснять крестьянъ: они разставили по Украйнѣ свое войско, которое безнаказанно забирало у жителей провіантъ для себя и фуражъ для лошадей; а замѣчая, что крестьяне стали безпокоиться и приготовляться къ войнѣ, начали выдумывать для нихъ новыя, самыя безчеловѣчныя мученія и пытки. Да и самъ Богданъ получилъ жестокую, кровную обиду отъ Чигиринскаго подстаросты пана Чаплынскаго. Дѣло было вотъ въ чемъ: понравился Чаплынскому хуторъ Субботовъ, онъ хотѣлъ купить его у Богдана, но Богданъ не продалъ. Тогда Чаплынскій съ толпою слугъ

напалъ на хуторъ, завладѣлъ имъ силой, увезъ его жену и засѣкъ до смерти меньшаго его сына. Хмельницкій въ это время былъ въ отсутствіи; вернувшись въ Субботово и узнавъ о дерзости Чаплынскаго, Богданъ поскакалъ въ Чигиринъ къ старостѣ Конецпольскому съ жалобой, но удовлетворенія на свою обиду неполучилъ; тогда онъ жаловался въ судъ, но и въ судѣ не сказали ему ничего утѣшительнаго. Взбѣшенный подобной несправедливостью, Богданъ публично крикнулъ: «Еще козацкая мать не умерла, не все и Чаплынскій забралъ, когда еще есть сабля въ рукахъ!» За это его схватили и посадили въ тюрьму, а другаго сына его Тимофея высѣкли публично на Чигиринской площади. Въ тюрьмѣ Богданъ просидѣлъ не долго, жена Чаплынскаго выхлопотала ему свободу. Выйдя изъ тюрьмы, Хмельницкій отправился въ Варшаву, въ надеждѣ получить удовлетвореніе отъ Варшавскаго Сената за полученную имъ обиду; но и сенатъ не защитилъ его. Тогда Богдану осталось только одно: просить короля. Владиславъ хотя и сознавалъ, что Богданъ былъ правъ и желалъ ему помочь, но, не имѣя почти никакой власти, онъ ничего не могъ сдѣлать въ пользу Богдана, а только сказалъ: «пора бы вамъ козакамъ вспомнить, что вы воины и что у васъ есть сабли. Если васъ обижаютъ, такъ зачѣмъ вы поддаетесь и не постоите за себя?» Этотъ отвѣтъ сильно подѣйствовалъ на впечатлительную натуру Богдана. Минута мщенья настала. Хмельницкій поклялся, во что бы

то ни стало, доказать Полякамъ, что его обижать безнаказанно нельзя и отправился домой добывать правду силой. На обратномъ пути изъ Варшавы въ Украйну, въ каждомъ селѣ, гдѣ приходилось останавливаться Богдану, онъ вездѣ подымалъ народъ возстать на Поляковъ; онъ разсказалъ о своей сильной обидѣ, о томъ, какъ онъ нигдѣ не нашелъ суда, прислушивался къ народнымъ толкамъ, вывѣдывалъ, хочетъ ли народъ возстать на Поляковъ и убѣдился, что народъ по первому зову готовъ единодушно возстать на своихъ притѣснителей. Вернувшись домой, Богданъ собралъ на совѣтъ самыхъ дѣльныхъ, храбрыхъ, преданныхъ Украйнѣ козаковъ; они собрались въ лѣсу и началось совѣщанье. Сильна, увлекательна была рѣчь Богдана. Не могъ онъ простить Чаплынскому смерть своего сына, покражу своей жены; онъ передалъ козакамъ отвѣтъ Владислава, показалъ имъ королевскую грамоту, которую удалось ему утащить у Барабаша, напоивши его пьянымъ; прибавилъ при этомъ, что на обратномъ пути изъ Варшавы онъ заѣзжалъ въ Кіевъ къ митрополиту, и что владыка благословляетъ козаковъ на «святое дѣло», и заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что русскій народъ отъ однихъ только козаковъ ожидаетъ своего спасенія.

Съ восторгомъ выслушали рѣчь Богдана, посѣдѣвшіе въ бояхъ, козаки, и въ одинъ голосъ поклялись умереть за вѣру и за родную Украйну, отмстить Полякамъ за всѣ обиды и оскорбленія, и немедленно стали готовиться къ походу.

Со всѣхъ сторонъ стали стекаться къ Богдану недовольные, жаждавшіе сбросить съ себя польское иго и выбрали Богдана своимъ гетманомъ. Число козаковъ вскорѣ достигло до сорока тысячъ человѣкъ, но осторожный Хмельницкій не надѣялся однакожъ, безъ посторонней помощи, одолѣть Поляковъ, потому что ихъ было много. Приготовивши возстаніе на Украйнѣ, Богданъ поѣхалъ въ Сѣчь къ Запорожцамъ, взявши съ собой королевскую грамоту. Ему не стоило особеннаго труда уговорить этихъ отчаянныхъ молодцовъ, всегда готовыхъ къ походу, жившихъ и дышавшихъ войной. Они дали слово Богдану помочь ему въ войнѣ съ Поляками и стали собираться въ походъ. Изъ Сѣчи Богданъ поѣхалъ въ Бахчисарай, къ Крымскому Хану, чтобы и его и подбить на Поляковъ. Разсчетливый, хитрый Ханъ долго не рѣшался, помочь ли Богдану, или нѣтъ? Съ одной стороны онъ былъ очень недоволенъ Поляками, переставшими платить ему дань, съ другой стороны, онъ боялся обмана со стороны Богдана, такъ-какъ козаки до этого времени постоянно воевали съ Татарами; но когда Богданъ предложилъ Хану дать ему въ залогъ своего любимаго сына Тимофея, тогда Ханъ съ радостью рѣшился помочь козакамъ и приказалъ татарскому князю Тугай-Бею съ четырьмя тысячами Татаръ идти съ Хмельницкимъ противъ Поляковъ. Изъ Крыма Богданъ заѣхалъ опять къ Запорожцамъ, они собрали раду (народное собраніе), выбрали Хмельницкаго своимъ гетманомъ и дали ему восемь тысячѣ

козаковъ. Счастливый и довольный своимъ успѣхомъ, вернулся Богданъ на родину съ двѣнадцатитысячнымъ союзнымъ войскомъ и сталъ готовиться къ войнѣ.

Малороссійскія лѣтописи повѣствуютъ, что король Владиславъ, предчувствуя и ожидая съ минуты на минуту возстанья козаковъ, назначилъ въ концѣ 1647 года надъ ними гетманомъ своего любимца Барабаша; но такъ какъ народъ и козаки выбрали себѣ гетманомъ Богдана, то Барабашъ выступилъ противъ Хмельницкаго, и 5-го апрѣля 1648 года, при Желтыхъ-Водахъ, былъ разбитъ соединенными силами Украинцевъ, Запорожцевъ и Татаръ подъ личнымъ предводительствомъ Богдана. Войско Барабаша, проигравъ сраженіе, было такъ недовольно Барабашемъ, что лишило его жизни, а само перешло подъ знамена Хмельницкаго. Раздѣлавшись съ Барабашемъ, Богданъ, вслѣдъ за этимъ, разбилъ передовой отрядъ, подъ начальствомъ сына короннаго польскаго гетмана Стефана Потоцкаго. Самъ Потоцкій былъ убитъ въ этомъ сраженіи; множество плѣнныхъ и всѣ пушки были взяты. Въ числѣ плѣнныхъ находились: Сапѣга, Шембергъ и Иванъ Виговскій, тотъ самый Виговскій, который впослѣдствіи съумѣлъ пріобрѣсть себѣ довѣренность и любовь Богдана, и послѣ его смерти былъ гетманомъ. Преслѣдуя разбитаго непріятеля, Богданъ двинулся далѣе и 16-го мая встрѣтился съ главной польской ратью около Корсуня, бывшей подъ начальствомъ гетмановъ: стараго Потоцкаго и Калиновскаго. Поляки никакъ не ожидали,

чтобы ихъ передовой отрядъ былъ разбитъ Хмельницкимъ, а потому спокойно веселились, пировали. Какъ громомъ были они поражены, когдав другъ передъ ихъ глазами, точно изъ земли выскочивъ, явились козаки и Татары. Въ польскомъ лагерѣ произошелъ безпорядокъ: начальство ссорилось и упрекало другъ друга въ безпечности. Богданъ воспользовался такой неурядицей Поляковъ, бросился на нихъ, не теряя счастливой минуты, и все польское войско разбѣжалось въ стороны. Козакамъ въ этотъ разъ досталась огромная добыча, каждый козакъ изъ бѣдняка сдѣлался богачемъ. Поляки же потеряли много: кромѣ нѣсколькихъ тысячъ простыхъ солдатъ, много польскихъ начальниковъ, и оба гетмана попались въ плѣнъ. Богданъ въ видѣ награды подарилъ всѣхъ плѣнныхъ Тугай-Бею, который за выкупъ одного Синявскаго получилъ двадцать тысячъ червонцевъ. Эти двѣ, одна за другой, побѣды, благотворно подѣйствовали на нравственный духъ козаковъ; почувствовали теперь эти орлята свою силу и мощно взмахнули крыльями, а Поляки, напротивъ, окончательно были убиты неудачами и страшно струсили.

Взволновалась вся Украйна, Волынь и Подоль. Тысячи русскаго народа собирались вмѣстѣ и летѣли очищать русскую землю отъ Поляковъ и жидовъ. Озлобленныя шайки ходили по городамъ и селамъ и безчеловѣчно истребляли своихъ притѣснителей, а богатства ихъ забирали себѣ. Это было время страшнаго возмездія! Русскій народъ не пощадилъ ни одного Поляка, Уніата, а

56619

Московская Губернская Центральная Библиотека

въ особенности жида, уничтожалъ ихъ, какъ прійдется: рѣзалъ, вѣшалъ, топилъ, распиливалъ пополамъ, буравилъ глаза, съ живыхъ сдиралъ кожу. Польскіе монастыри и костелы разорялъ до тла, а ксендзовъ и монаховъ мучилъ до смерти. Образа католическіе рубилъ и кололъ, въ алтаряхъ кормилъ лошадей. Ненависть ко всему польскому, а въ особенности жидовскому, была такъ велика въ народѣ, что гибли многіе и изъ православныхъ за то только, что, подражая модѣ, носили польское платье или говорили польскимъ языкомъ. Но больше всего доставалось Жидамъ, потому что отъ Жидовъ-арендаторовъ больше всего и терпѣлъ бѣдный народъ. Жидовъ побивали цѣлыми тысячами, въ Южной Россіи не осталось почти ни одного жида: не считая пропавшихъ съ голода или потонувшихъ въ водѣ, однихъ перерѣзанныхъ жидовъ было тысячъ сто. Правда, жестоко мстили крестьяне, но вѣдь это, какъ говоритъ русская пословица, «долгъ платежемъ красенъ». Вотъ, для примѣра, два случая изъ громадной кровавой драмы того ужаснаго времени.

Однажды козаки напали на замокъ, въ которомъ заперлись Поляки и жиды. Не видя надежды на спасенье, Поляки стали просить пощады и предлагали за себя выкупъ.

— «Васъ мы пощадимъ, если заплатите намъ, но жидовъ ни за какія деньги мы не помилуемъ, они наши заклятые враги, они оскорбили нашу вѣру, они поругались надъ нашими святыми чувствами. Мы поклялись

истребить все ихъ племя; выгоните ихъ отъ себя прочь и не будьте съ ними въ согласіи!» Жиды были выгнаны и всѣ (около трехъ тысячъ) погибли въ страшныхъ мученіяхъ.

Въ другой разъ, шайка крестьянъ, ворвавшись въ костелъ, повѣсила надъ алтаремъ ксендза, собаку и жида и написали:—«ксендзъ, жидъ и собака—все вѣра одинака!»

Ограбивъ и предавъ огню польскую усадьбу, толпа выкатывала изъ панскаго погреба бочки съ виномъ, пировала, пѣла пѣсни, плясала на пожарищѣ среди разбросанныхъ труповъ своихъ притѣснителей.

Да, ужасное время было! Сборищъ было множество; мятежъ распространился по всѣмъ русскимъ областямъ, вошедшимъ въ составъ Польши. Даже въ далекой Литвѣ крестьяне поднялись на пановъ-Поляковъ. Спасая свою жизнь отъ озлобленныхъ козаковъ и крестьянъ, польскіе паны принуждены были бѣжать. Нѣкоторые же, болѣе сильные и отважные, собравши вооруженные отряды, отплачивали крестьянамъ подобными жестокостями. Изъ нихъ особенно прославился своимъ варварствомъ князь Іеремія Вишневецкій; недавно обратившись въ католичество, онъ съ яростью ренегата рубилъ возмутившихся, будто-бы, по его мнѣнію, безъ всякихъ причинъ, крестьянъ.

— «Мучьте ихъ такъ, чтобы они чувствовали, какъ умираютъ!» кричалъ онъ въ какомъ-то изступленіи палачамъ.

Вотъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а между тѣмъ страшная эпоха возстанія козаковъ сохранилась свѣжо въ преданіи Малороссійскаго народа.

Послѣ Корсунской побѣды, Хмельницкій отправилъ къ Владиславу письмо, въ которомъ увѣрялъ его въ своей вѣрноподанной преданности, просилъ у него прощенья за то, что поднялъ оружіе противъ Поляковъ, извиняя свое самоволье неслыханными притѣсненіями, которыя терпитъ народъ отъ польскихъ пановъ, начальства и жидовъ. Обѣщалъ служить ему вѣрой и правдой, если онъ утвердитъ прежнія козацкія права.

Энгель, въ своей исторіи Украйны, увѣряетъ, что къ этому письму Крымскій Ханъ приложилъ и свою записку слѣдующаго содержанія: «Подумайте сами до чего довело васъ высокомѣріе и ожидайте насъ скоро въ Варшавѣ и Краковѣ!» Хотя это письмо, отосланное королю въ началѣ іюня, уже не застало его въ живыхъ, (Владиславъ скончался въ Меречѣ 10-го мая 1648 года) но отвѣтъ на это письмо Богданъ все-таки получилъ отъ сенатора Брацлавскаго воеводы Адама Киселя, который, будучи православнымъ и сочувствуя Малороссійскому народу, желалъ примирить его съ Поляками.

Онъ, увѣдомляя Богдана о смерти короля, описывалъ самыми яркими красками ужасную картину междуусобной войны, совѣтывалъ оставаться въ покоѣ и прислать къ нему депутатовъ для заявленія своихъ жалобъ, которыя онъ, по обязанности воеводы, обѣщалъ разрѣшать по справедливости.

Хмельницкій послушался его совѣта: отпустилъ Татаръ и Запорожцевъ, а съ своими украинцами вернулся домой и оставался въ покоѣ. Казалось, настала минута, когда и Поляки и козаки могли бы отдохнуть, но это перемиріе было очень кратковременно, князь Вишневецкій снова поднялъ оружіе противъ козаковъ и война закипѣла яростнѣе прежняго.

Богданъ, не желая возстановлять противъ себя Поляковъ, не принялъ начальства надъ всѣми козаками и не повелъ ихъ самъ на Поляковъ, а поручилъ это дѣло, извѣстному своею храбростью, козацкому полковнику Максиму Кривоносу, давъ ему только небольшой отрядъ. Кривоносъ началъ съ того, что разорилъ до тла всѣ помѣстья внуковъ Вишневецкаго и перерубилъ болѣе пятнадцати тысячъ жидовъ и Поляковъ. Вишневецкій, въ отмщеніе за это, вѣшалъ всѣхъ, попадавшихся ему въ плѣнъ, козаковъ. Въ Немировѣ онъ приказалъ сажать на колъ и вырывать глаза всѣмъ подозрѣваемымъ въ участіи съ козаками.

Богданъ, при всемъ желаніи выполнить данное Полякамъ обѣщаніе и оставить ихъ въ покоѣ, не могъ удержать ожесточенный народъ отъ опустошенія польскихъ владѣній, которое произвели крестьяне подъ предводительствомъ полковниковъ Остапа и Ганжи. Юзефовичъ удостовѣряетъ, что тѣла убитыхъ ксендзовъ, пановъ и жидовъ бросались на съѣденіе собакамъ. Князю Четвертинскому отрубилъ голову его собственный мельникъ, а красавицей его женой завладѣлъ Остапъ.

Слухъ о прибытіи польскихъ комисаровъ прекратилъ на время обоюдное кровопролитіе. Предводитель Посольства Адамъ Кисель явился къ Богдану и предложилъ ему слѣдующія статьи:

1) Освободить немедленно изъ плѣна всѣхъ польскихъ дворянъ.

2) Не соединяться съ Татарами и снова присягнуть польской республикѣ въ вѣрности.

3) Кудаку (островъ на Днѣпрѣ) оставаться въ прежнемъ его положеніи.

4) Зачинщиковъ бунта немедленно выдать для отправленія ихъ въ Варшаву.

5) Возвратить письмо короля Владислава, писанное имъ къ Барабашу,—и

6) Чтобы привиллегіи и права козацкія были опредѣлены особенной, для этого назначенной, коммиссіей.

Чтобы придать больше силы своему требованію, Сеймъ выставилъ противъ козаковъ войско, состоящее, по словамъ Каховскаго, изъ тридцати тысячъ, а г-нъ Туманскій въ своей лѣтописи увѣряетъ, что польская армія состояла изъ шестидесяти тысячъ кромѣ вооруженныхъ слугъ. Предводителями ея были: князь Островскій, князь Вишневецкій, Конецпольскій и Остророгъ. Польская армія расположилась лагеремъ при рѣчкѣ Пилявкѣ. Взглянувъ на это войско, можно было подумать, что оно пріѣхало на пиръ, а не на смертный бой. Золото, серебро, драгоцѣнные камни, драгоцѣнное оружіе, шелкъ, бархатъ, персидскіе ковры такъ и

бросались въ глаза. Отъ утра до поздней ночи гремѣла музыка, пѣсни подгулявшихъ пановъ и шляхты далеко раздавались за Пилявкой. Веселились Поляки, да хвастались, что разгонятъ козаковъ плетьми; они настолько богатѣли думкой, что сложили даже слѣдующую молитву:

— «Не помогай Боже ни намъ, ни козакамъ, а только смотри, какъ мы раздѣлаемся съ этимъ мужичьемъ!»

Но гордая ихъ молитва была противна Богу. Онъ помогъ козакамъ. Адамъ Кисель, не желая допустить до сраженья, велъ съ Богданомъ переговоры, но не имѣлъ успѣха. Да иначе и быть не могло. Развѣ могли козаки-побѣдители, согласиться на подобныя невыгодныя предложенія побѣжденныхъ ими Поляковъ? Да и самъ Богданъ не былъ такой простакъ, чтобы довѣриться Полякамъ и отдаться въ ихъ руки; онъ не хотѣлъ окончить свою жизнь подобно Наливайкѣ и Подковѣ, а потому наотрѣзъ отказалъ Киселю принять условія Сейма, послалъ къ Крымскому Хану за помощью и сталъ собираться къ войнѣ. Вишневецкій совѣтывалъ Острожскому немедленно напасть на козаковъ, не дожидаясь пока прійдутъ къ нимъ на помощь Татары, а Кисель, напротивъ того, совѣтывалъ ему вступить съ Богданомъ въ переговоры и стараться окончить дѣло безъ пролитія крови. Между тѣмъ Татары подоспѣли уже на помощь козакамъ, хотя козаки, еще до ихъ прибытія, успѣли завладѣть двумя польскими замками

и укрѣпиться за болотами рѣки Пилявки, но Богдана очи повеселѣли, когда онъ увидѣлъ татарское войско около себя. Опоздай Татары,—кто знаетъ, чѣмъ бы окончилась битва подъ Пилявкой? Двое сутокъ бились козаки и Татары съ Поляками. Въ ночь на вторые сутки въ польскомъ лагерѣ распространился слухъ, что самъ Ханъ съ многочисленнымъ войскомъ идетъ на помощь къ Богдану и произвелъ такой ужасъ, что главнокомандующій, князь Острожскій, не зная самъ, что ему дѣлать, собралъ 29-го сентября военный совѣтъ, который рѣшилъ, что для сбереженія арміи необходимо отступить къ Константинову. Главнокомандующій приказалъ отступать, но это было не отступленье, а постыдное бѣгство: все войско бросилось бѣжать съ такой поспѣшностью, что весь обозъ, состоявшій изъ ста тысячъ возовъ польскаго добра, достался козакамъ и Татарамъ, а вина, пива и меду было столько, что не знали куда и дѣвать! (Будь это въ наше время, то, конечно, нашли бы исходъ, куда пошелъ бы излишекъ военныхъ трофеевъ: явился бы, непремѣнно, какой-нибудь услужливый Мойше или Аврумъ и по выгодной, конечно только для себя, цѣнѣ купилъ бы и вино, и пиво, и медъ! Но тогда были другія времена и другіе нравы, тогда Аврумъ и Мойше ни за какія сокровища Ротшильда не осмѣлились бы явиться къ Богдану съ предложеніемъ своихъ услугъ).

Хмельницкій, разбивъ Поляковъ при Пилявкѣ, дождался Хана и вмѣстѣ съ нимъ взялъ семьсотъ тысячъ

гульденовъ контрибуціи съ гор. Львова и осадилъ Замосць. Въ это время Сеймъ назначилъ Вишневецкаго главнокомандующимъ вмѣсто князя Острожскаго; это новое назначеніе оскорбило Богдана, потому что Вишневецкій былъ его личный, непримиримый врагъ, а потому Богданъ всѣми силами старался помочь Яну Казиміру, тоже ненавидѣвшему Вишневецкаго, вступить на польскій престолъ. На избирательномъ сеймѣ козацкіе послы требовали назначенія королемъ Яна Казиміра, въ противномъ случаѣ угрожали продолжать войну. Эти угрозы, въ такую критическую минуту для Польши, заставили Поляковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, предложить Казиміру польскую корону. Объ Казимірѣ между козаками шла добрая молва; говорили что онъ справедливъ, милостивъ, не любитъ проливать крови и желаетъ избавить Русскій народъ отъ насилій пановъ и ксендзовъ. Янъ Казиміръ, вступивъ на престолъ, приказалъ Богдану окончить войну, идти домой и ожидать королевскихъ пословъ, чтобы постановить съ ними мирный договоръ.

Богданъ, мстя Полякамъ за всѣ ихъ обиды, не думалъ однакожъ ослушиваться королевской власти, а потому исполнилъ приказаніе короля и сталъ возвращаться домой. Это было въ концѣ ноября 1648 года. Торжественно и чудно было возвращеніе Хмельницкаго на родину: вездѣ народъ встрѣчалъ его, какъ своего избавителя, но особенно радушно встрѣтили его Кіевляне: Іерусалимскій патріархъ Паисій, проживавшій

въ это время въ Кіевѣ, все кіевское духовенство, весь народъ вышелъ за городъ на встрѣчу Богдану; громъ пушекъ, звонъ колоколовъ, радостный кликъ народа провожалъ его и храброе его козачество черезъ Ярославовы золотыя ворота до Софіевскаго собора, гдѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, Царю Царствующихъ, за дарованныя козакамъ побѣды. Даже въ его имени видѣли хорошее предзнаменованіе, говорили, что онъ истинный Богданъ, т. е. Богомъ данный.

Прійдя въ Переяславль, Богданъ нашелъ свою жену, съ которой такъ варварски поступилъ Чаплынскій, и, одержавши столько побѣдъ, Богданъ былъ теперь совершенно счастливъ: онъ обладалъ вновь любимой женщиной, народъ благословлялъ его, сосѣдніе владѣтели искали его дружбы; къ нему пріѣхали съ поздравленіями послы Венгерскаго князя, Господарей Валахіи и Молдавіи, Царя Алексѣя Михайловича и даже гордаго и могущественнаго Турецкаго Султана, который прислалъ Богдану въ подарокъ богатую саблю, кафтанъ и булаву, и приказалъ Крымскому Хану и Силистрійскому Пашѣ, по первому требованію Богдана, помогать ему войсками. Вотъ какихъ почестей дослужился сынъ бѣднаго козачьяго сотника!! Тотъ, кому еще такъ недавно негдѣ было головы преклонить, теперь былъ окруженъ царскими почестями. Но самая торжественная минута въ жизни Богдана, это былъ пріѣздъ къ нему Польскихъ пословъ. Въ февралѣ 1649

года въ Переяславлѣ, при громѣ пушекъ, среди всего козачества, сіяющаго радостью за своего обожаемаго батьку, принималъ Богданъ пословъ Яна Казиміра. Они вручили ему отъ имени короля Гетманскіе Клейноды, т. е. осыпанную сафирами булаву, красное знамя съ бѣлымъ орломъ и вензелемъ Яна Казиміра и грамоту на Гетманское достоинство. Но не возгордилась отъ подобной славы великая душа Богдана, онъ, какъ и прежде, цаловался, шутилъ и чокался по-братски съ козацкими полковниками, самъ подносилъ имъ въ золотой чаркѣ и подчивалъ простой горѣлкой, а жена его, разодѣтая, сіяющая драгоцѣнными каменьями, растирала своими руками въ черепкѣ табакъ и набивала трубки своимъ гостямъ. День за днемъ пили пиры и веселье у Богдана: онъ и былъ всегда щедрый на угощенія, а теперь тѣмъ болѣе; празднуя возвращеніе своей жены и вниманіе коронованныхъ особъ, онъ не щадилъ расходовъ на угощеніе такихъ дорогихъ гостей, какими были для него Королевскіе послы. Среди ежедневныхъ празднествъ и угощеній, Богданъ, одаренный богатыми дипломатическими способностями, велъ серьезные переговоры съ послами. Послы обѣщали козакамъ разныя льготы, но требовали, чтобы крестьяне вернулись къ своимъ помѣщикамъ. Такое требованіе, въ настоящую пору, было немыслимо, потому что народъ домогался полной воли, а иначе нечего было и думать о мирѣ. А потому Богданъ поставилъ слѣдующія свои условія:

1) Возстановить всѣ прежнія права и преимущества.
2) Выгнать изъ Украйны всѣхъ Іезуитовъ и жидовъ.
3) Увеличить козачье войско до сорока тысячъ.
4) Выдать Чаплынскаго и
5) Удалить князя Вишневецкаго отъ начальствованія надъ Польской арміей.

Послы, на эти требованія Богдана, отвѣчали уклончиво, двухсмысленно и вообще, мало подавали надежды; это такъ сердило Богдана, что онъ перемѣнилъ любезное свое обращеніе съ ними, а когда бывалъ подъ хмѣлькомъ, то даже бранилъ ихъ, а иногда до того выходилъ изъ себя, что обѣщалъ перевернуть всѣхъ Поляковъ вверхъ ногами и отдать Туркамъ за то, что они не даютъ никакой воли своему королю, и клялся, что вырветъ изъ польской неволи весь Русскій народъ.

Какъ ни старался поладить съ Богданомъ гласный депутатъ посольства Кисель, какъ не желалъ сойтись съ нимъ на обоюдно-выгодныхъ условіяхъ для заключенія мира, но ничего не могъ сдѣлать съ настойчивымъ характеромъ Богдана, ему едва удалось вымолить перемиріе до Троицына дня. Богданъ отлично понималъ, что онъ страшенъ и силенъ Полякамъ только возстаніемъ народнымъ, а потому требовалъ отъ пословъ, чтобы воля, освобожденнаго имъ, народа была свято исполнена, чтобы народъ получилъ полную свободу, полную независимость. Тогда послы, видя, что ничего нельзя сдѣлать съ Богданомъ, не знали, съ какой стороны подступить къ нему и, не сдѣлавъ ничего, уѣха-

ли къ королю и были очень рады, что убрались по добру по здорову.

Вотъ чѣмъ кончилось незаконное требованіе Поляковъ, которыя хотѣли вернуть Русскій народъ подъ крѣпкую руку пановъ.

Выпроводивъ такъ нелюбезно пословъ, Богданъ сталъ готовиться къ новой войнѣ, которая началась небольшими стычками передовыхъ отрядовъ въ началѣ іюля. Самъ Хмельницкій принялъ начальство надъ войскомъ, къ нему подоспѣлъ на помощь Крымскій Ханъ Исламъ Гирей, и обѣ арміи, соединившись, двинулись на встрѣчу Полякамъ. Они такъ удачно окружили подъ Зборовымъ польское войско, прекративъ всякое сообщеніе къ ихъ лагерю, что у Поляковъ появился голодъ; не только солдаты, но и начальники вынуждены были ѣсть лошадей, собакъ и даже похлебку изъ крысъ. Въ этотъ разъ нельзя не отдать Полякамъ справедливости, какъ за ихъ храбрость, такъ и за ихъ стойкость и терпѣніе; поджидая короля съ главной арміей, они выдержали подъ Зборовымъ, въ продолженіи семи недѣль, 17 козачьихъ приступовъ и даже сами два раза дѣлали вылазку, желая выскочить изъ засады, но ничего не могли сдѣлать, потому что ихъ было гораздо меньше, нежели козаковъ съ Татарами. Плохо пришлось Полякамъ: изъ двухъ золъ они должны были выбрать меньшее, т. е. сдаться, потому что иначе приходилось умирать съ голоду. Но Казиміръ поспѣшилъ къ нимъ на помощь съ 20-ю тысячами отборнаго войска. Козаки,

какъ львы бросились на него въ атаку, а Татары ограбили весь польскій обозъ и произвели такой безпорядокъ, что Казиміръ долженъ былъ отступить и укрѣпиться за окопами. Два дня продолжался смертный бой! Казиміръ, не щадя жизни, впереди всѣхъ леталъ на конѣ, ободрялъ солдатъ своею храбростью, самъ дрался, какъ простой солдатъ, своими руками хваталъ за уздечки лошадей, оборачивалъ ихъ и подгонялъ впередъ. Но ничего не помогало, трудно было Казиміру поддержать нравственный духъ своего войска. На третій день, послѣ ужаснаго, адскаго боя, козаки и Татары окружили со всѣхъ сторонъ Поляковъ, изъ которыхъ 5 тысячъ легло на полѣ битвы. Видя, что нѣтъ возможности прорваться чрезъ непріятеля и уйти, Казиміръ пустился на хитрость: онъ подослалъ къ Крымскому Хану переговорщика, задобрилъ его и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Ханъ требовалъ денегъ, Казиміръ обѣщался ежегодно присылать ему въ Бахчисарай по девяносто тысячъ злотыхъ, а теперь заплатить ему 180 тысячъ злотыхъ. Кромѣ этого, Ханъ требовалъ отъ Короля, чтобы онъ немедленно помирился съ Богданомъ и принялъ какъ его, такъ и все козацкое войско въ свою прежнюю милость, простилъ-бы и забылъ козакамъ ихъ неповиновеніе и не смѣлъ никогда мстить имъ. Хотя Богдану крайне непріятна была подобная непрошенная услуга Хана, хотя онъ могъ воспользоваться для себя болѣе выгодными условіями отъ Поляковъ, но онъ долженъ былъ согласиться и поми-

риться на томъ, что выговорилъ для него Ханъ у Казиміра.

Богданъ, зная двуличный характеръ Хана, разсчиталъ такъ: что если онъ его не послушается, то пожалуй, Ханъ готовъ перейти на сторону Поляковъ и тогда, конечно, могло быть плохо Богдану. Этимъ только можно и объяснить причину, почему Богданъ согласился примириться съ Казиміромъ. 15 августа миръ былъ заключенъ на слѣдующихъ главныхъ условіяхъ:

1) Козакамъ дозволено держать сорокъ тысячъ войска; всѣ же тѣ, которые не войдутъ въ составъ войска, должны будутъ отбывать панщину по прежнему.

2) Городу Чигирину всегда оставаться при булавѣ Запорожскаго войска, т. е. на будущія времена. Гетманъ Запорожскаго войска всегда долженъ выбираться изъ Чигиринскаго полка.

3) Кіевскому митрополиту рѣшить дѣло съ панами объ Уніи—какъ ей быть, и предоставить ему присутствовать въ Варшавскомъ Сенатѣ.

4) Никто изъ помѣщиковъ не долженъ мстить своимъ крестьянамъ, которые служили во время войны, и

5) Польскому войску и жидамъ, ни подъ какимъ предлогомъ, въ козачьихъ селеніяхъ не селиться.

Всѣ эти статьи должны быть утверждены Варшавскимъ Сенатомъ и подписаны Королемъ 20 января 1650 г., а Богданомъ—въ Кіевѣ 7-го марта въ присутствіи воеводы Киселя и укрѣплены на вѣчныя времена.

Вернувшись въ Украйну, Хмельницкій, желая породниться съ Молдавскимъ Господаремъ Лупуломъ, просилъ черезъ Турецкаго Султана, руки его дочери для своего сына Тимофея. Честолюбивый Господарь отказалъ. Обидѣлся Богданъ незаслуженному отказу его любимцу. Развѣ его молодцоватый Тимофей былъ не пара дочькѣ Молдавскаго Господаря? развѣ въ сущности Богданъ не былъ такимъ же Господаремъ Украйны? Слѣдствіемъ этого отказа было совершенное опустошеніе Молдавіи 16-ти тысячнымъ козачьимъ и 20-ти тысячнымъ татарскимъ отрядомъ подъ начальствомъ полковниковъ: Носача, Пушкаря и Дорошенки. Лупулъ бѣжалъ въ Хотинъ и заплатилъ Богдану, вмѣсто приданаго, 600.000 талеровъ штрафу.

Между тѣмъ Зборовскій договоръ не угодилъ ни Полякамъ, ни козакамъ. Поляки считали для себя унизительнымъ, козаки-же отказались служить панамъ. Зашумѣли опять народныя шайки, опять пошли грабежи, пожары, убійства.

Богданъ, не желая нарушать договора и вооружать противъ себя Казиміра, старался потушить народное возстаніе, но ничего не могъ сдѣлать,—воля народа великое дѣло. Ни увѣщанія, ни строгія мѣры и наказанія не унимали народъ. Разсерженный неповиновеніемъ, Богданъ приказалъ казнить виновныхъ—но и казни не помогали. Тогда онъ понялъ, что не долго существовать Зборовскому договору, и сталъ готовиться къ новой войнѣ. А между прочимъ, народъ ропталъ

на Хмельницкаго. Его, до сихъ поръ дорогое для всѣхъ имя многіе стали произносить съ бранью, съ проклятіемъ. Быть можетъ это было одно только нехорошее дѣло, которое взялъ на свою совѣсть Богданъ, но оно было вызвано силою обстоятельствъ. Вѣроятно и самъ Богданъ каялся послѣ, что слишкомъ круто поступилъ съ народомъ.

Недопущеніе на Сеймъ Кіевскаго Митрополита (на что владыка имѣлъ полное право въ силу Зборовскаго договора) было главнымъ поводомъ къ неудовольствію со стороны Богдана; не понравилось ему также, что Казиміръ поставилъ въ Каменецъ-Подольскѣ цѣлый наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ Потоцкаго, чтобы онъ слѣдилъ за его Гетманскими поступками. Казиміру же не нравились частыя сношенія Богдана съ Султаномъ и Ханомъ, самовольный походъ козаковъ въ Молдавію, но болѣе всего Казиміръ не могъ забыть козакамъ, что они вынудили его заключить съ ними, такой постыдный для Поляковъ, Зборовскій миръ. Сначала между Королемъ и Гетманомъ явилась холодность, а немного спустя и открытая вражда.

Война была рѣшена; приготовленія съ обѣихъ сторонъ дѣлались громадныя. Казиміръ приказалъ готовиться къ походу не только наемнымъ жолнерамъ, но и всему Посполитому Рушенію (т. е. поголовное ополченіе). Богданъ же, укрѣпивъ нѣкоторые города, увеличилъ число людей въ полкахъ, послалъ за помощью въ Крымъ и въ Турцію, и приказалъ полковнику Не-

чаю выступить къ Красному съ передовымъ отрядомъ.

Нечай былъ храбрый и дѣльный полководецъ, но любилъ сильно выпить. Съ похмѣлья-ли, или вслѣдствіи какой-то оплошности, онъ былъ съ своимъ трехтысячнымъ отрядомъ отрѣзанъ отъ главной козачьей арміи и окруженъ со всѣхъ сторонъ Поляками, подъ предводительствомъ короннаго Гетмана Калиновскаго. Это было въ мартѣ 1651 года. Козаки были совершенно разбиты и самъ Нечай убитъ. Вскорѣ послѣ этого, Калиновскій вступилъ въ битву съ другимъ козачьимъ отрядомъ, стоявшимъ подъ Винницей при рѣкѣ Бугѣ; тутъ, однакожъ, счастье измѣнило ему. Тутъ онъ имѣлъ дѣло съ осторожнымъ и хитрымъ Богуномъ. При приближеніи Поляковъ къ Винницѣ, Богунъ приказалъ своему отряду вырубить ледъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по его соображенію, Поляки должны были переправляться; потомъ, давъ льду едва замерзнуть, въ теченіи двухъ ночей, приказалъ на эту часть льда набросать соломы. Поляки, не ожидая подобной ловко устроенной западни, бросились чрезъ рѣку и очень много ихъ потонуло.

Хотя Калиновскій и овладѣлъ Винницей, но узнавъ о приближеніи полковника Глуха съ многочисленнымъ козачьимъ и татарскимъ отрядомъ, онъ долженъ былъ отступить къ Бару въ большомъ безпорядкѣ. Козаки бросились за Поляками и нанесли имъ значительный уронъ. Однихъ убитыхъ было болѣе 4 тысячъ.

Вслѣдъ за этимъ 60 тысячъ козаковъ и Татаръ нѣсколько разъ подступали къ Каменецъ-Подольску, надѣясь овладѣть крѣпостью, но Поляки такъ отчаянно защищали ее, что козаки должны были отступить.

Въ это время Казиміръ собралъ все свое войско

около Сокола, и 15 іюня повелъ, подъ личнымъ своимъ предводительствомъ, къ Берестечку, гдѣ и укрѣпился. Тамъ онъ узналъ отъ Вишневецкаго, что 27 іюня, козаки, соединясь съ Татарами, приближаются къ Берестечку. 28 іюня утромъ Казиміръ послалъ три тысячи кавалеріи развѣдать гдѣ непріятель.

Козачьи передовые отряды приближались къ Берестечку и въ это время произошло уже нѣсколько ничтожныхъ схватокъ между Поляками и козаками.

29-го іюня козаки и Татары расположились лагеремъ въ 10 верстахъ отъ Берестечка; козаки на правомъ крылѣ стали укрѣпляться, а Татары, составлявшіе лѣвое крыло, заняли гористую мѣстность. Между обоими лагерями находился лѣсъ, который служилъ отличнымъ прикрытіемъ отъ непріятеля, какъ козакамъ, такъ и Татарамъ, но одно было неудобство, что онъ раздѣлялъ ихъ лагерь. Вечеромъ того же дня, козаки и Татары начали подходить къ Берестечку. Казиміръ приказалъ Потоцкому, съ большей частью войска, встрѣтить непріятеля, а самъ оставался въ резервѣ. Непріятели встрѣтились, и, хотя бой продолжался не болѣе трехъ часовъ и ничего не рѣшилъ, но, тѣмъ не менѣе, потери съ обѣихъ сторонъ были значительныя, въ особенности для Поляковъ; два генерала, Осоновскій и Козановскій были убиты. На ночь непріятели возвратились въ свои лагери.

30 іюня Казиміръ рѣшился дать генеральное сраженіе, и выстроилъ свою армію передъ разсвѣтомъ въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: правымъ крыломъ командовалъ коронный гетманъ Николай Потоцкій, имѣя у себя подъ начальствомъ князя Юрія Любомірскаго, Льва Сапѣгу и Конецпольскаго. Лѣвымъ крыломъ ко-

мандовали: князь Вишневецкій и Калиновскій. Артиллерія, подъ начальствомъ генерала Прицынскаго, почти вся была собрана въ самой серединѣ арміи. Пѣхота была построена въ нѣсколько линій, а кавалерія, назначенная для ея подкрѣпленія, была собрана на обѣихъ крылахъ. Передовымъ отрядомъ кавалеріи командовалъ князь Радзивилъ, а королевскими тѣлохранителями—генералъ Вальди. Вотъ въ какомъ порядкѣ повелъ Казиміръ свою армію, утромъ 30 іюня, на козаковъ.

Удивились козаки, а въ особенности Татары, увидя предъ собою такого многочисленнаго непріятеля, наступающаго на нихъ въ такомъ необыкновенномъ, для тогдашняго времени, боевомъ порядкѣ, но не оробѣли молодцы—Украинцы, а бодро, лихо бросились въ атаку на Поляковъ и старались всѣми силами разстроить этотъ порядокъ, но всѣ усилія ихъ остались напрасными; Казиміръ подъ смертной казнью запретилъ своимъ войскамъ вдаваться въ бой, и безъ выстрѣла достигъ непріятельскаго лагеря. Тутъ только открылъ онъ адскій огонь своею артиллеріею. До 3 часовъ по-полудни кипѣлъ ужасный бой. Въ 3 часа Казиміръ приказалъ Вишневецкому съ 12 полками лѣваго крыла броситься на козачій лагерь. Вишневецкій съ необыкновенной храбростью выполнилъ королевское повелѣніе, но и въ Хмельницкомъ онъ встрѣтилъ не менѣе мужественнаго и стойкаго соперника и былъ имъ отбитъ. Тогда Казиміръ самъ бросился на помощь Вишневецкому, напалъ на непріятельскій центръ, разъединилъ козаковъ отъ Татаръ и стѣснилъ ихъ въ гористой мѣстности, которую они занимали до сраженія.

Этотъ моментъ долженъ былъ рѣшить сраженіе. Ка-

зиміръ, сознавая это, употребилъ все свое мужество, весь свой военный геній. Всѣ орудія его артиллеріи открыли жестокій огонь противъ Татаръ, Гетманъ Николай Потоцкій своимъ правымъ крыломъ, а Король своимъ центромъ, бросились въ атаку; Вишневецкій лѣвымъ крыломъ напалъ на козаковъ. Тогда закипѣла сильная, отчаянная битва. Король подавалъ примѣръ храбрости. Не щадя жизни, онъ бросался въ самыя опасныя мѣста, кругомъ его падали убитые, но онъ не обращалъ вниманія. Козаки тоже дрались отчаянно, а потому неизвѣстно еще было, въ чью пользу окончится сраженіе. Поляки еще разъ повторили атаку всѣми своими силами; Ханъ, испуганный убитымъ около него Мурзой, не выдержалъ; повернулъ коня и поскакалъ назадъ во весь духъ. За нимъ бросилась вся орда и остановилась только въ пяти верстахъ отъ поля битвы. Эта трусливость Хана принесла Полякамъ полную побѣду. Богданъ, видя бѣгство Татаръ, бросился съ небольшимъ отрядомъ въ погоню за Ханомъ, чтобы уговорить его вернуться въ бой. Тѣмъ временемъ, пока Богданъ вынужденъ былъ догонять Хана, начальство надъ козаками, за его отсутствіемъ, принялъ сначала полковникъ Джеджелей, а потомъ Богунъ. Козаки, храбро отражая непріятельскія атаки, отступили въ порядкѣ на версту отъ поля сраженія, къ рѣкѣ Пляшовой и стали окапываться. Настала ночь. Они съ нетерпѣніемъ поджидали своего Богдана, но прошелъ день, прошло два, а его все нѣтъ, а Поляки, тѣмъ временемъ окруживъ козачій лагерь, стали громить его своей артиллеріей. Козаки отстрѣливались, дѣлали вылазки, пускались на разныя хитрости, и, наконецъ, вступили съ Турками въ переговоры. Поляки требовали отъ

козаковъ выдачи Хмельницкаго и Виговскаго, отдачи всѣхъ пушекъ и знаменъ, уменьшенія козачьяго войска и покоренія крестьянъ подъ власть пановъ. Козаки отказались принять эти условія. Тогда король послалъ за рѣку трехтысячный отрядъ, и такимъ образомъ козаки были окружены со всѣхъ сторонъ Поляками. Прождавъ 10 дней, потерявъ всякую надежду получить помощь отъ Богдана, и претерпѣвая во всемъ громадный недостатокъ и голодъ, они рѣшились переправиться чрезъ рѣку и пробиться чрезъ трехтысячный отрядъ. Дорого поплатились они за эту отчаянную вылазку. Суматоха, съ какой они бросились чрезъ рѣку, произвела между ними большой безпорядокъ, много тутъ перетонуло козаковъ, много было и такихъ, которые неуспѣли выбраться изъ лагеря; всѣ погибли подъ польскими саблями, да и тѣмъ, которымъ удалось переплыть рѣку, выпала не вполнѣ завидная доля. Они или попались въ руки Полякамъ, или умерли съ голода въ дремучихъ лѣсахъ. Весь козачій лагерь, обозъ, 48 пушекъ, вся походная казна Богдана и множество знаменъ (въ томъ числѣ одно знамя, пожалованное козакамъ Владиславомъ, а другое Казиміромъ), достались Полякамъ. Число убитыхъ козаковъ доходило до пятидесяти тысячъ. Еслибъ Богданъ дѣйствовалъ подъ Берестечкомъ нераздѣльно съ Татарами, то навѣрно бы Ханъ не убѣжалъ, и тогда общими ихъ силами Поляки были бы разбиты.

Между тѣмъ, съ Богданомъ вотъ что произошло: догнавши Хана, онъ всѣми силами старался удержать его отъ бѣгства, употреблялъ все свое дипломатическое искусство, доказывая трусливому Хану, что сраженіе еще не проиграно, клялся Богомъ, что еще есть на-

дежда разбить Поляковъ,—но все было напрасно. Ханъ не только не слушалъ его просьбы, но и самого Богдана захватилъ съ собою, грозясь выдать его Полякамъ. Ханъ разсердился на Богдана за то, что подъ Берестечкомъ наткнулся на громадную польскую силу, а Богданъ увѣрялъ его, что Поляковъ будетъ мало, а добычи у нихъ много. Ханъ требовалъ съ Богдана большаго выкупа, и пока Богданъ послалъ за выкупомъ, пока привезли ему деньги, Ханъ все его укорялъ. Наконецъ привезли Богдану выкупъ, онъ разсчитался съ Ханомъ. Безсовѣстный Ханъ и послѣ всего этого подло поступилъ съ Богданомъ: онъ ограбилъ его такъ, что оставилъ въ одной рубашкѣ, да въ тулупѣ. Прискакалъ несчастный Богданъ домой и два дня пилъ безъ просыпа.

Отдохнувъ немного отъ этой неудачи, Хмельницкій собралъ пятьдесятъ тысячъ козаковъ, чтобы идти отомстить Полякамъ за потерю подъ Берестечкомъ. Смотря на этотъ молодцоватый, пятидесятитысячный отрядъ, собранный у Маслова Брода, вполнѣ готовый къ бою, подъ предводительствомъ самого Богдана, никому и въ голову не могло прійдти, что это тотъ самый Богданъ, который такъ недавно перенесъ ужасное пораженіе подъ Берестечкомъ и позорный плѣнъ у Крымскаго Хана. Хотя, вернувшись на родину, Хмельницкій не привелъ съ собою, ввѣренныхъ ему Богомъ козаковъ, но народъ, глядя на это честное, закаленное въ бояхъ лице героя, и теперь, въ несчастіи, смотрѣлъ на него, какъ на своего избавителя. Да и могла ли одна неудача затмить столько славныхъ его дѣлъ? Одного его присутствія въ Украйнѣ уже было достаточно, чтобы разсѣять страхъ и водворить прежнее спокойствіе между

жителями. Вездѣ явились обнародованія, въ которыхъ Богданъ ободрялъ и обнадеживалъ подвластный ему народъ, смѣялся надъ польскимъ главнокомандующимъ Потоцкимъ, который, по его содѣйствію, былъ тоже разъ въ плѣну у Хана. Называя счастье перемѣнчивымъ, онъ обнадеживалъ козаковъ, что скоро появится на ихъ знаменахъ новая луна, намекая этимъ, что покорятъ Крымъ.

Въ это время скончался непримиримый врагъ Богдана—князь Вишневецкій, и, пока одна часть польскаго войска отдавала послѣдній долгъ своему храброму полководцу, другая, подъ начальствомъ князя Радзивила, разбила подъ Лоевымъ козачій отрядъ, который шелъ на встрѣчу, чтобы помѣшать ему соединиться съ арміей Потоцкаго. Разбивъ козаковъ подъ Лоевымъ, Радзивилъ овладѣлъ Кіевомъ и безчеловѣчно опустошилъ эту древнюю, русскую святыню.

Пришлось опять просить у Поляковъ мира; Казиміръ приказалъ Адаму Киселю вступить въ переговоры съ уполномоченными Хмельницкаго. Послѣ долгихъ разсужденій, обоюдныхъ неуступокъ, напрасныхъ требованій со стороны козаковъ возстановить статьи Зборовскаго договора, наконецъ, былъ заключенъ, въ Бѣлой Церкви, 28 сентября 1651 года, новый договоръ, по которому уничтожалось почти все то, что было постановлено подъ Зборовымъ. Кромѣ всего этого, войско Запорожское уменьшалось на половину, а Гетманъ Малороссійскій обязанъ былъ подчиняться Польскимъ коронным Гетманамъ.

Видя все это, Хмельницкій сталъ опять просить Московскаго Царя, чтобы онъ принялъ Украинскій народъ подъ свою крѣпкую руку. Онъ еще въ 1648 году

обращался къ Царю Алексѣю Михайловичу о принятіи его въ подданство со всей Малороссіей, но существовавшая въ то время дружба между Россіей и Польшей мѣшала исполниться пламенному желанію Богдана; но онъ не терялъ надежды и посылалъ въ 1650 году Войсковаго писаря Виговскаго, а въ 1651 году Савича, но и эти оба посольства остались безъ успѣха. Правдивый Русскій Царь опять предпочелъ собственнымъ своимъ выгодамъ сохраненіе союзной вѣрности съ Поляками. Между тѣмъ Польское правительство не могло равнодушно смотрѣть на сношенія Богдана съ Россіей, оно боялось, что Богданъ, войдя въ сношеніе съ Русскимъ Царемъ, не отдался бы съ Малороссіей подъ власть могущественнаго сѣвернаго монарха, а потому варшавскій кабинетъ старался прекратить всякое сношеніе козаковъ съ Россіей и послалъ съ этою цѣлью, 7-го октября 1650 года, въ Москву посланника Пражмовскаго, который предложилъ боярамъ передать Его Царскому Величеству, «что Король Польскій, по дружбѣ къ Русскому Царю, предупреждаетъ его въ зломъ умыслѣ Гетмана Хмельницкаго, который, по совѣту Султана, готовится не только соединить козачьи войска съ Татарами, но и напасть на Россію. Что послы Хмельницкаго и Хана въ прошломъ мѣсяцѣ пріѣзжали въ Варшаву просить Короля дать имъ вспомогательнаго войска, что въ случаѣ козацкаго и татарскаго нападенія на Россію, Король не находитъ возможнымъ удержать самовольныхъ козаковъ и безпокоится, чтобы Государь не имѣлъ на него неудовольствія».

Это была только оффиціальная сторона посольства, затаенная же цѣль состояла въ томъ, чтобы Царь Алексѣй Михайловичъ, сохраняя постоянно миръ съ Поля-

ками, не принималъ къ себѣ Богдана съ войскомъ. На это русскіе бояре отвѣтили польскому посланнику слѣдующее: «Такъ какъ козаки считаются подданными Поляковъ, то если они сдѣлаютъ нападеніе на Россію, тогда Царь пріймет̀ъ это за нарушеніе мирнаго договора со стороны Польскаго короля, а потому король не долженъ допускать козаковъ до подобнаго самовольства, крымское же нападеніе не страшно Россіи и войско противъ него всегда готово».

Хотя Царь Алексѣй Михайловичъ на прежнія три просьбы Богдана не давалъ надежды, но теперь, когда отношенія Польши къ Россіи съ каждымъ днемъ становились все важнѣе и запутаннѣе, то Царь рѣшилъ не отказываться отъ принятія въ свое подданство Малороссіи и съ этою цѣлью созвалъ въ Москвѣ на 19-е февраля 1651 г. соборъ, пригласивъ къ нему Патріарха съ высшимъ духовенствомъ, бояръ и всякаго чина и званія людей. На этомъ соборѣ, въ присутствіи Царя Алексѣя Михайловича, разсуждали о слѣдующемъ:

во 1-хъ), что въ грамотахъ короля Польскаго титулъ Царя Московскаго пишется не по Государскому его достоинству,

во 2-хъ), что появились въ Польшѣ книги, въ которыхъ про Государя, его отца и дѣда напечатаны злыя, безчестныя укоризны и хулы,

въ 3-хъ), что король Польскій ведетъ съ Крымскимъ Ханомъ частую переписку и задумываетъ вмѣстѣ съ нимъ напасть на Россію, что онъ недавно пропустилъ въ Швецію крымскихъ пословъ, подавая этимъ явную причину къ ссорѣ и

въ 4-хъ), что Малороссійскій Гетманъ, Богданъ Хмельницкій, нѣсколько разъ неотступно проситъ принять

его со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ въ Россійское подданство, иначе же онъ будетъ вынужденъ вступить въ подданство Турецкаго Султана.

Затѣмъ Царь предложилъ собору дать рѣшительный отвѣтъ: что дѣлать Россіи, если король не исправитъ титулъ Государя и не накажетъ виновныхъ за оскорбленія честнаго имени Его Царскаго Величества, напечатанныя въ польскихъ книгахъ. На это Патріархъ Іосифъ съ прочимъ духовенствомъ отвѣтили Царю письменно: «что если король не исправится и виновныхъ не накажетъ, то Святая, Соборная Церковь за великія королевскія неправды и за нарушеніе договора, разрѣшаетъ ему, Государю, Царю Алексѣю Михайловичу, принять въ свое подданство Запорожскаго Гетмана, а если король исправится, то вопросъ о Запорожскомъ Гетманѣ они отдаютъ на волю Государя,—какъ Его Богъ вразумитъ». Съ этимъ мнѣніемъ Патріарха согласились и Бояре и остальные чины.

Уже назначенъ былъ курьеръ въ Польшу, чтобы потребовать рѣшительнаго отвѣта по этому дѣлу отъ Варшавскаго кабинета, какъ пріѣхали къ Царю полномочные послы Казиміра, Витовскій, Обуховичъ и его секретарь Обринскій, съ предложеніемъ заключить союзы противъ Крымскаго Хана.

Царь Алексѣй Михайловичъ, приказавъ Боярамъ постановить съ послами: какимъ путемъ идти на Крымъ? Сколько съ обѣихъ сторонъ должно быть войска? гдѣ соединиться? гдѣ стоять войскамъ? и какимъ способомъ вести войну?

На эти вопросы послы Казиміра отвѣтили Боярамъ, что рѣшительныхъ отвѣтовъ дать они не могутъ, такъ какъ Казиміръ не уполномочилъ ихъ, а все только на-

доѣдали и Царю и Боярамъ, чтобы Россія помогла Польшѣ смирить непокорнаго Богдана и козаковъ, которые безпрестанными набѣгами тревожатъ Польшу.

На это Бояре, именемъ Государя, сказали посламъ: пусть Польша прежде помирится съ Богданомъ и козаками, а тогда только Россія заключитъ договоръ съ Польшей о наступленіи общими силами на Крымъ. Не понравился посламъ этотъ отвѣтъ Бояръ, не удалось имъ и въ этомъ вооружить Россію противъ честнаго Богдана, и уѣхали послы ни съчѣмъ домой.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1652 г., Путивльскій воевода, князь Хилковъ, препроводилъ къ Царю, полученное имъ отъ Богдана письмо слѣдующаго содержанія: «Ежели ко мнѣ, Гетману, и къ войску Запорожскому, не будетъ скоро изъ Россіи жалованья и помочи на непріятелей нашихъ, которые на насъ наступаютъ и измѣну творятъ, и если насъ подъ крѣпкую свою руку Его Царское Величество не приметъ и отъ непріятелей тѣхъ Вѣры православныя и христіанъ не оборонитъ, тогда о себѣ иначе Гетманъ и войско опомышлять будутъ».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, Богданъ послалъ въ Москву козака, Ивана Искру, который словесно передалъ Царю, о желаніи Гетмана и всего Малороссійскаго народа вступить въ Русское подданство. Подумалъ милостивый и справедливый Царь, что откладывать это дѣло далѣе уже нельзя (приходилось или уже навсегда отказаться отъ Малороссіи, или же, на горячихъ порахъ, спасти ее отъ Поляковъ) и рѣшилъ взять Богдана и Украйну подъ свою защиту.

Немедленно были отправлены изъ Москвы къ Богдану два посла, Унковскій и Адрабьевъ, переговорить

съ Богданомъ о принятіи его и всего Малороссійскаго народа подъ покровительство доброй, любящей и справедливой Россіи.

Тяжелое время переживали козаки. Народъ, недовольный Бѣлоцерковскимъ миромъ, роптaлъ, земля была разворена въ конецъ, отъ раззоренья пошелъ голодъ, цѣлыя толпы крестьянъ и козаковъ переселились на границу Московскаго государства и строили козачьи слободы (которыя теперь стали городами) Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырку, Изюмъ, Валки и другіе.

Жестокое обращеніе Поляковъ-пановъ съ крестьянами достигло до величайшей степени. За ничтожную вину (за которую теперь мировой судья не принялъ-бы и жалобы) панъ сажалъ на колъ своего хлопа.

Обрадовался Богданъ пріѣзду царскихъ пословъ и принялъ ихъ съ большею честью. Онъ поручилъ своему любимцу, Войсковому Писарю Виговскому, переговорить съ ними подробно. Этотъ Виговскій былъ человѣкъ очень хитрый и неблагодарный, и за всѣ ласки и любовь къ нему Гетмана онъ ему черно отблагодарилъ, дѣлая на него доносы, но такъ ловко, что умѣлъ концы прятать, а честная душа Богдана и не подозрѣвала въ немъ измѣнника и шпіона. Этотъ Виговскій, въ числѣ другихъ Поляковъ, былъ взятъ въ плѣнъ козаками въ сраженіи при Желтыхъ Водахъ, понравился Богдану, вкрался въ его душу и современемъ былъ сдѣланъ Войсковымъ Писаремъ. Будучи родомъ Полякъ, Виговскій, ради своихъ выгодъ, измѣнилъ родинѣ, принялъ православіе и остался служить козакамъ, а потомъ, служа Богдану, и бывъ облагодѣтельствованъ, онъ измѣнялъ и ему, передавая Россійскому Двору всю тайную переписку Гетмана съ сосѣдними государствами. Онъ былъ

страшно жаденъ къ деньгамъ, золото было его божество, ему одному онъ не измѣнялъ. Слѣдующій разговоръ Виговскаго съ русскими послами очень вѣрно и мѣтко характеризуетъ эту низкую натуру.

«Только мнѣ быть-бы надежну на Государственную милость» —говорилъ Виговскій Унковскому и Адрабьеву,— «а до коихъ мѣстъ я буду, и въ томъ уповаю на Бога, чаю удержати Гетмана и все Запорожское войско и Хана Крымскаго и всю Крымскую Орду отъ похода войною на Его Царскаго Величества, Украйные города и причиненія всякова инова Государева городамъ и мѣстамъ и людемъ зла, потому Крымскій Ханъ и Мурзы и кто у нихъ есть владѣтели меня слушаютъ, вѣдомо имъ, что, за помощью Божіею, я въ войску Запорожскомъ владѣтель во всѣхъ дѣлахъ, а Гетманъ и полковники и все Запорожское войско меня слушаютъ же, и почитаютъ и Венгерскій король (такъ называли козаки князя Трансильванскаго Ракоція) зоветъ меня къ себѣ и власть мнѣ и жалованье велико даетъ» и при этомъ Виговскій показывалъ русскимъ посламъ грамоту отъ Ракоція, въ которой дѣйствительно онъ обѣщалъ Виговскому, что если онъ къ нему пріѣдетъ, то опредѣлить ему 1500 червонцевъ въ годъ жалованья, дать въ управленіе нѣкоторые города и назначить его командующимъ войсками. «А все это потому» объяснялъ Виговскій посламъ, «что меня король Венгерскій знаетъ, что я у него бывалъ и про то онъ вѣдаетъ, что я отъ войска Запорожскаго почтенъ, а я не мыслю мимо Великаго Государя никуда ѣхать, памятуя къ себѣ Великаго Государя Его Царскаго Величества милость». Вотъ какого сорта былъ Войсковой Писарь Виговскій, который предлагалъ свои услуги Русскому Двору и ко-

торому Богданъ поручилъ переговорить съ послами о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ присоединеніе Малороссіи. Хотя и въ этотъ разъ дѣло окончательно не было рѣшено, но тѣмъ не менѣе была полная надежда, что Русскій Царь пріметъ Малороссію подъ свою державу и освободитъ ее навѣки отъ польскаго ига. Выпроводивъ русскихъ пословъ, Богданъ снова задумалъ какъ-бы это женить своего Тимофея на дочери Молдавскаго Господаря? Его не безпокоила первая неудача по этому дѣлу, бывшая еще въ 1649 году. Онъ теперь, въ 1652 году, надѣялся болѣе на согласіе, нежели на отказъ, а потому и написалъ Молдавскому Господарю, «что если онъ добровольно не выдастъ своей дочери за его сына, то пусть ждетъ къ себѣ сто тысячъ брачныхъ гостей». Эти слова Богдана такъ напугали Молдаванъ, что они неотступно требовали отъ Господаря для спасенія края, согласіе на предложеніе Гетмана. Честолюбивый Лупулъ, не желая выдать свою дочь, но вмѣстѣ съ тѣмъ дрожа и за свою голову, просилъ Поляковъ удержать Богдана отъ похода на Молдавію. Поляки съ готовностію исполнили просьбу Господаря, и немедленно выставили у мѣстечка Батова десятитысячную армію, подъ начальствомъ Калиновскаго.

Напрасно Богданъ совѣтовалъ ему не мѣшать жениху съ свадебными гостями прійти въ Молдавію, напрасно предостерегалъ его, чтобы веселая молодежъ не нанесла-бы ему и его арміи какого-нибудь неудовольствія; Калиновскій не слушался и оставался на томъ же мѣстѣ, какъ вдругъ неожиданно напали на него Татары, составлявшіе передовой отрядъ козацкаго войска, а молодой Хмельницкій съ своими дружками, воспользовавшись лѣсистою мѣстностію, обошелъ Поляковъ и окру-

жилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ Польскомъ лагерѣ произошелъ такой страшный безпорядокъ, что Калиновскій сдался; козаки, пользуясь случаемъ, отмстили теперь за пораженіе подъ Берестечкомъ, они купили за деньги право у Татаръ раздѣлаться съ Поляками. Три дня, по словамъ Грондскаго, продолжались казни. Въ числѣ другихъ, обезглавлены главнокомандующій Калиновскій и Красноставскій староста Собіевскій.

Послѣ этой рѣзни всѣ Польскіе паны убѣжали изъ Украйны, старый Хмельницкій, съ главнымъ козачьимъ отрядомъ, расположился у Каменецъ-Подольска, а сына Тимофея, съ небольшимъ отрядомъ козаковъ и Татаръ, выслалъ на встрѣчу Молдавскому Господарю, который уже шелъ съ дочерью, чтобы отдать ея руку молодому Хмельницкому. Вотъ какимъ образомъ внукъ простаго Чигиринскаго сотника сдѣлался зятемъ Молдавскаго Господаря.

Отпраздновавъ весело свадьбу Тимофея, вернулся Богданъ въ Чигиринъ и немедленно отправилъ къ Казиміру пословъ для оправданія своего сына, который, какъ онъ писалъ, — «принужденно вступилъ въ бой съ Калиновскимъ, намѣревавшимся лишить его воды, земли и травы, которыхъ самъ Богъ не отнимаетъ ни у злыхъ, ни у добрыхъ». Въ заключеніе Богданъ все-таки просилъ у короля прощенія за своего сына и его свиту,— «если они, яко веселые люди, простерли слишкомъ далеко свою оборону.» Это посольство было отпущено изъ Варшавы безъ всякаго отвѣта, почему Богданъ немедленно отправилъ другое, съ просьбой выслать къ нему польскихъ коммисаровъ. Казиміръ приказалъ своимъ уполномоченнымъ передать Богдану, что онъ готовъ простить ему только въ такомъ случаѣ, если онъ немедленно отка-

жется отъ всякой связи съ Татарами и вышлетъ въ залогъ къ нему въ Варшаву своего сына Тимофея. Это требованіе короля такъ разсердило Богдана, что онъ, вынувъ саблю предъ польскими послами, сказалъ имъ: «Поѣзжайте въ Варшаву къ вашему королю и объявите ему, что если онъ желаетъ мира, то пусть дастъ клятву, что утвердитъ Зборовскія статьи, которыя мы, съ саблями въ рукахъ, предписали вамъ, Полякамъ.»

Царь Алексѣй Михайловичъ между тѣмъ все медлилъ насчетъ присоединенія Украйны къ Россійскому государству. Эта медленность принудила Богдана, въ такія тяжелыя для него минуты, искать покровительства у Турецкаго Султана.

Малороссійскія лѣтописи повѣствуютъ, что Миргородскій Полковникъ Гладкій и Гуляницкій начали упрекать Богдана въ томъ, что онъ будто бы желаетъ отдалиться отъ Россіи, передать Украйну Турецкому Султану и поработить свободныхъ людей и ихъ вѣру. Чувствуя себя совершенно правымъ, не стерпѣлъ Богданъ такихъ незаслуженныхъ упрековъ и велѣлъ отрубить головы Гладкому и Гуляницкому. Гладкаго казнили, а Гуляницкій спасъ свою жизнь, убѣжавши въ монастырь, гдѣ и постригся въ монахи.

Король Казиміръ, получивъ отвѣтъ Богдана, былъ такъ разсерженъ имъ, что приказалъ Чернецкому ворваться съ пятнадцатьютысячнымъ отрядомъ въ Украйну и разорить ее до тла. Не успѣлъ Хмельницкій приготовиться къ походу, какъ Чернецкій, съ невѣроятной быстротой, завоевалъ мѣстечки: Клинцы, Липовецъ и Погребище, сжегъ ихъ и разворилъ до основанія. Богданъ выслалъ противъ него Богуна, который употребилъ слѣдующую военную хитрость, чтобы вѣрнѣе разбить

Поляковъ: онъ переодѣлъ часть своего отряда въ турецкое платье и приказалъ ему броситься на Поляковъ съ тылу, въ тотъ самый моментъ, когда онъ, съ другой частью отряда, бросится спереди. Поляки, не подозрѣвая обмана, вообразили, что Татары опять пришли на помощь козакамъ и такъ испугались, что убѣжали съ поля сраженія, бросили весь свой обозъ, множество раненыхъ и ушли изъ Украйны. Въ числѣ раненыхъ находился самъ Чернецкій.

Переговоры Богдана насчетъ союза съ Турціей кончились безуспѣшно, а между тѣмъ бѣдная Украйна терпѣла столько безпокойства отъ своихъ сосѣдей, что понялъ старый Гетманъ, какое несбыточное дѣло устоять ему безъ Московскаго Царя, а потому онъ опять обратился съ просьбой къ правдивому и милостивому Царю Алексѣю Михайловичу. 22-го апрѣля 1653 года прибыли въ Москву Украинскіе послы Бырляй и Мужиловскій съ прошеніемъ о принятіи Малороссіи и войска Запорожскаго подъ высокую государеву руку и о защитѣ Украйны отъ Поляковъ. Государь, снисходя усиленной просьбѣ Богдана, согласился принять участье въ бѣдственномъ положеніи Малороссіи и заступиться за нее передъ Польшей, а потому, чрезъ недѣлю послѣ пріѣзда малороссійскихъ пословъ, отправилъ въ Варшаву великое уполномоченное посольство подъ главнымъ предсѣдательствомъ боярина князя Бориса Александровича Репнина-Оболенскаго. Цѣль посольства была слѣдующая:

1) Потребовать объясненій, почему титулъ Государя пишется не по его государскому достоинству?

2) Наказать виновныхъ за оскорбительныя выраженія противъ священной особы его Царскаго Величества.

Признать Зборовскія статьи договора съ Запорожцами,—и

4) Уничтожить въ Польшѣ Унію.

На всѣ эти требованія король отвѣтилъ весьма неудовлетворительно и, отпустивъ русскихъ пословъ, на другой же день выступилъ со всѣмъ своимъ войскомъ противъ Богдана, стоявшаго вмѣстѣ съ Татарами подъ Бѣлой-Церковью.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ сильно раздраженъ подобнымъ неудовлетворительнымъ отвѣтомъ короля и приказалъ собрать соборъ въ Грановитой Палатѣ, гдѣ, въ присутствіи Его Царскаго Величества было объявлено: «что король Польскій отказалъ въ требованіи Государя о принятіи Запорожцевъ по Зборовскому договору, что Уніаты готовятся истребить, живущихъ въ Польшѣ и Литвѣ православныхъ и, что Гетманъ Хмельницкій и все Запорожское войско неотступно просятъ о принятіи ихъ въ Русское подданство и, о высылкѣ имъ трехъ тысячъ вспомогательнаго войска. Выслушавъ это, духовенство и бояре рѣшили: Гетмана Богдана Хмельницкаго со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ, съ городами и землями, принять въ Русское подданство, не потому только, что они исповѣдуютъ одну съ нами православную вѣру и много насъ объ этомъ просятъ, но и потому, чтобы не отдать ихъ въ обиду Полякамъ, или въ рабство Туркамъ.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, Государь приказалъ боярамъ готовиться къ походу въ Польшу, а Гетману Богдану отправилъ курьера съ объявленіемъ: «что такъ какъ Польскій король Янъ Казиміръ не желалъ признать за Запорожцами Зборовскаго договора, что онъ и выразилъ русскому послу князю Рѣпнину, то Государь

обѣщалъ прислать Гетману Богдану великое посольство для принятія его съ козаками въ подданство и для объявленія указа о вспомогательномъ войскѣ противъ Польши.

Во время этихъ переговоровъ сынъ Богдана сражался за своего тестя Лупила, котораго выгналъ изъ Яссъ Валахскій Господарь Радуль. Сначала, счастье помогало молодому Хмельницкому, онъ разбилъ Валаховъ, вернулъ тестю его потерянныя владѣнія; но когда къ Валахамъ пришли на помощь Поляки, то они заставили Тимофея отступить отъ Яссъ и осадили его въ крѣпости Сочавѣ. Полтора мѣсяца съ необыкновенной храбростью защищались козаки и Молдаване, пока роковое ядро не лишило жизни молодаго Хмельницкаго. Сочава сдалась. Козакамъ было приказано присягнуть въ вѣрности Королю и присоединиться къ Польской арміи. Плохо приходилось отряду покойнаго Тимофея, но къ счастью ихъ, Поляки дали имъ слабый конвой подъ командой ротмистра Мозельницкаго; козаки воспользовались случаемъ, напали на Поляковъ, перебили ихъ, Мозельницкаго взяли въ плѣнъ и привезли Богдану трупъ его любимаго сына. Горько рыдалъ старый Гетманъ, хороня своего дорогаго Тимофея. Господарша Молдавская и жена покойнаго тоже явились въ козачій лагерь отдать послѣдній долгъ, дорогому для нихъ, молодому герою.

Похоронивъ сына, Богданъ съ козаками и Татарами окружилъ подъ Жванцемъ Поляковъ и навѣрно бы принудилъ Короля заключить, выгодный для Украйны, миръ, еслибъ Казиміръ не подкупилъ Крымскаго Хана, который за польское золото измѣнилъ въ дружбѣ Богдану и заключилъ съ Казиміромъ договоръ, по которому рѣ-

шено было покорить навсегда козаковъ Польшѣ, напасть соединенными силами на Россію и вернуть Татарамъ Астраханское Царство. Эта низкая измѣна Хана заставила Хмельницкаго вернуться съ козаками въ Украйну. Этимъ и кончились военныя дѣйствія козаковъ въ 1653-мъ году.

Наконецъ исполнилось давно задуманное желаніе Богдана: въ первыхъ числахъ января 1654 года прибыло въ Переяславль русское посольство для приведенія къ присягѣ на вѣчное подданство Гетмана и всего Малороссійскаго народа Царю Алексѣю Михайловичу. Посольство состояло изъ слѣдующихъ особъ:

Тверской намѣстникъ бояринъ Василій Васильевичъ *Бутурлинъ*, Муромскій намѣстникъ, Окольничій, Иванъ Васильевичъ *Алферьевъ* и Думный Дьякъ Харитонъ Дмитріевичъ *Лопухинъ*. Въ ихъ свитѣ находилось: девять стольниковъ, семь дворянъ, стряпчій, два переводчика, три сотника и двѣсти стрѣльцовъ подъ начальствомъ головы Московскихъ стрѣльцовъ, боярина Артамона *Матвѣева*. Узнавъ о пріѣздѣ пословъ, прискакалъ Богданъ изъ Субботова въ Переяславль 6-го января, 7-го была собрана великая рада (народное собраніе).

Хмельницкій, въ сопровожденіи козацкихъ старшинъ, вышелъ къ народу, сталъ подъ знаменемъ и, въ присутствіи русскихъ пословъ, произнесъ сильную, горячую рѣчь, въ которой высказалъ о всѣхъ бѣдствіяхъ, перенесенныхъ Украинцами отъ Поляковъ, объявилъ о желаніи Турецкаго Султана, Польскаго короля и Крымскаго Хана обладать Украйной, прибавивъ, что Русскій Царь изъявляетъ согласіе взять подъ свое Высокое покровительство Малороссію. Рѣчь свою Богданъ

заключилъ слѣдующими словами. «Вотъ уже 6-ть лѣтъ, какъ живемъ мы въ тревогѣ и угнетеніи, видно не судьба намъ обойтись безъ Царя! Выбирайте же кого хотите: Турецкаго ли Султана, Крымскаго ли Хана, Короля ли Польскаго или православнаго Государя Великой Россіи? Турецкій Султанъ — басурманъ, отъ него православные Греки терпятъ большую бѣду. Крымскій Ханъ тоже басурманъ, мы только по нуждѣ вели съ нимъ дружбу, и за то столько вынесли отъ него горя, раззорѣній и пролитія крови христіанской! Объ Польскомъ королѣ и говорить нечего; сами вы знаете, что нашъ братъ козакъ былъ для Поляковъ хуже жида и собаки. А православный Русскій Царь одного съ нами благочестія, одной съ нами вѣры. Онъ внялъ нашей просьбѣ, заступился за насъ и прислалъ намъ съ Царской милостью своихъ пословъ. Если мы Его Царскому Величеству присягнемъ въ вѣрности, если мы Его полюбимъ, то лучшаго защитника мы не найдемъ. А если кто съ нами не согласенъ, пусть идетъ куда хочетъ—вольная дорога!» Выслушавъ своего Гетмана, народъ въ одинъ голосъ закричалъ: — «Хотимъ подъ Царя Русскаго, православнаго! Хмельницкій приказалъ одному полковнику пойти по кругу и спрашивать на всѣ четыре стороны: всѣ ли такъ хотятъ? — «Всѣ!» кричалъ народъ. Тогда Богданъ взволнованнымъ, но громкимъ голосомъ сказалъ: — «Да укрѣпитъ насъ Господь Богъ подъ Его Царской рукой!» народъ отвѣтилъ: — «Боже укрѣпи, Боже утверди, чтобы на вѣки всѣ были во едино!» Послѣ этого народъ довольный, счастливый разошелся по домамъ. На другой день т. е. 8-го января, Гетманъ Богданъ съ войсковымъ писаремъ Виговскимъ, съ атаманами, съ обозными, полков-

никами, есаулами, сотниками и хорунжими сдѣлалъ визитъ русскимъ посламъ, принялъ отъ нихъ Царскую грамоту, поцаловалъ ее, распечаталъ и передалъ Виговскому, приказавъ прочесть при всемъ войскѣ и народѣ. Потомъ поѣхалъ Богданъ въ каретѣ съ послами въ Соборную, Успенія Пресвятой Богородицы, Церковь, гдѣ, по окончаніи Литургіи, принесъ присягу въ подданство Его Царскому Величеству. Изъ Собора Гетманъ, опять въ каретѣ, съ посланниками вернулся въ посольскій домъ, все же остальное козачье начальство и множество народа провожало карету до крыльца посольскаго дома пѣшкомъ. Пріѣхавъ къ себѣ, послы передали Богдану Царскіе подарки: знамя, булаву, ферезь, шапку и соболи. Изъ посольскаго дома Гетманъ пошелъ къ себѣ домой пѣшкомъ, одѣвъ на себя пожалованныя Государемъ ферезь и шапку, держа въ рукахъ булаву, Царское же знамя несли передъ нимъ старшины всего козачества, весь народъ съ восторгомъ провожалъ своего батьку до дому!

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни приводилось къ присягѣ все козачье начальство, всѣ козаки и всѣ жители Переяславля. Послѣ этого посланники, раздавъ почетнымъ козакамъ Царскіе подарки, выѣхали изъ Переяславля въ другіе города Малороссіи приводить жителей къ присягѣ и за тѣмъ вернулись въ Москву. Вслѣдъ за отъѣздомъ посланниковъ изъ Украйны, Богданъ отправилъ къ Царю своихъ пословъ: генеральнаго судью Богдановича и переяславльскаго полковника Тетерю, которые въ первыхъ числахъ марта пріѣхали въ Москву съ договорными статьями и съ прошеніемъ къ Царю о подтвержденіи Малороссійскихъ правъ. Алексѣй Михайловичъ съ радостію исполнилъ просьбу, покорившa-

гося ему, народа и не только утвердилъ присланныя Богданомъ статьи, но даже даровалъ Малороссамъ еще много милостей, а Гетману Богдану назначилъ одну тысячу червонцевъ жалованья въ годъ, (что въ то время составляло очень много).

И такъ Россія не пролила ни одной капли крови, не издержала ни одного рубля на присоединеніе Малороссіи съ шестьюдесятью тысячами храбраго войска. Польскій же Король, купившій подъ Жванцемъ у Крымскаго Хана, за сто тысячь золотыхъ, союзъ противъ Богдана, уже мечталъ владѣть Украйной, а потому онъ былъ, какъ громомъ, пораженъ, когда узналъ о торжественномъ присоединеніи Украйны къ Русскому Государству. Онъ немедленно разослалъ по Украйнѣ прокламаціи, въ которыхъ совѣтывалъ козакамъ: «разорвать учиненную на вѣчное тиранство присягу Московскому Царю», обѣщая содержать ихъ «въ своей королевской ласкѣ и оставить ихъ при давнихъ правахъ и вольностяхъ». Но было уже поздно, да къ тому и Богданъ и все начальство съ козаками и народъ, ни за какія блага въ мірѣ, не измѣнили бы присягѣ.

Скоро между Царемъ Русскимъ и Королемъ Польскимъ началась война. Одна часть русскаго войска, подъ начальствомъ князя Хованскаго и боярина Шеина пошла въ Литву, завоевывать тамошніе города, другая, подъ начальствомъ Бутурлина, была назначена для защиты Украйны отъ Поляковъ, а третью повелъ самъ Царь подъ Смоленскъ. Уходя въ походъ, Царь приказалъ боярину Василію Борисовичу Шереметьеву беречь границы Южной Россіи отъ набѣговъ Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ.

Гетманъ Богданъ, не желая оставаться молчаливымъ

зрителемъ, когда его новое отечество пило проливать свою кровь, желалъ принять тоже участіе въ этой войнѣ, и съ этою цѣлью отправилъ своего шурина, нѣжинскаго полковника, Ивана Золотаренка съ восемью тысячами козаковъ къ Гомелю, а брата своего, наказнаго полковника Василія, подъ Смоленскъ. 5-го іюля Русскіе осадили Смоленскъ; осада была упорна, Поляки крѣпко держались и только 10-го сентября сдались Русскимъ. Козаки во время осады имѣли случай, въ глазахъ Царя, отличиться и выказать свою храбрость, за что Государь щедро ихъ наградилъ, а Золотаренка и старшинъ удостоилъ два раза приглашать къ своему столу.

Въ тоже время шуринъ Гетмана овладѣлъ Гомелемъ и новымъ Быховымъ и, разбивъ, подъ Шкловомъ, Литовскаго Гетмана, князя Радзивила, принудилъ его бѣжать.

Страшная моровая язва, явившаяся въ Москвѣ въ 1654 году, заставила Государя провесть эту зиму въ Вязьмѣ, куда пріѣхала и Царица Марія Ильинишна съ семействомъ. Богданъ же съ козаками стоялъ въ это время за Кіевомъ подъ Фастовымъ, (это тотъ самый Фастовъ, который черезъ годъ будетъ соединенъ желѣзной дорогой съ Знаменско-Николаевской линіей, а потому, было бы прилично распорядиться, кому слѣдуетъ, назвать ее Фастово-Хмельницковской и увѣковѣчить такимъ образомъ память героя-освободителя Украйны. Молодое поколѣніе, проѣзжая эту мѣстность, невольно вспомнило бы, сколько этотъ человѣкъ сдѣлалъ добра Россіи и предчувствовало бы, какіе громадные успѣхи сдѣлало наше отечество на пути прогресса, управляемое Августѣйшимъ потомствомъ Алексѣя Ми-

хайловича, въ особенности же въ Царствованіе нашего обожаемаго Александра Николаевича). Не сдобровалось Полякамъ послѣ присоединенія Украйны къ Россіи; кромѣ счастливыхъ побѣдъ, одержанныхъ Русскими и козаками, завоевавшими у нихъ въ короткое время болѣе двухсотъ городовъ и Шведскій король Карлъ X тоже нанесъ имъ такое чувствительное пораженіе, что несчастный Казиміръ долженъ былъ бѣжать въ Силезію. а помощь, которую онъ разсчитывалъ получить отъ Крымскаго Хана Ислама-Гирея, не приходила. Поляки отправили въ Бахчисарай посольство съ просьбой вспомогательнаго войска, но Ислама-Гирея не было уже на свѣтѣ. Новый Ханъ Менгли-Гирей требовалъ новой дани, и только тогда прислалъ помощь Полякамъ, когда они заплатили ему сто тысячъ золотыхъ.

Хмельницкій, узнавъ о выступленіи изъ Каменецъ-Подольска Польско-Татарской арміи, послалъ ей на встрѣчу наказнаго атамана Томиленка съ нѣсколькими полками, которые были разбиты и вынуждены были отступить. Богданъ, вмѣстѣ съ войсками боярина Василія Борисовича Шереметьева, поспѣшилъ на помощь къ своему разбитому отряду, но помощи подать не могли. Поляки внезапно напали на русско-козацкое войско, между Ставищами и Охматовымъ, и заставили Шереметьева отступить въ безпорядкѣ. Впрочемъ, Хмельницкій съумѣлъ помочь горю, онъ воодушевилъ войско, остановилъ его, повернулъ назадъ и съ такой силой ударилъ на Поляковъ, что завладѣлъ, отнятымъ у нихъ Поляками, обозомъ и съ необыкновеннымъ мужествомъ отражалъ всѣ ихъ атаки. Цѣлые два дня кипѣлъ смертельный бой. Кровь лилась ручьями. Малороссійскія лѣтописи повѣствуютъ, что убитые съ обѣихъ сторонъ

составили высокій валъ около всего козацкаго лагеря. Народъ совершенно мѣтко назвалъ это мѣсто битвы Дрожи-Полемъ. Каховскій утверждаетъ, что въ одномъ только первомъ сраженіи Богданъ потерялъ до девяти тысячъ убитыми. Русскіе и козаки лишены были всякаго продовольствія и терпѣли страшный голодъ и къ тому же были окружены со всѣхъ сторонъ Поляками. Одно средство оставалось къ спасенію: прорваться черезъ непріятельскую армію, что и было исполнено съ необыкновеннымъ мужествомъ и отчаянною храбростью. Прорвавшись чрезъ польскую армію, Богданъ соединился съ отрядомъ Томиленка и, узнавъ отъ него, что Поляки выступили изъ Украйны, распустилъ козаковъ по домамъ.

Въ концѣ 1655 года Богдану счастливѣе воевалось съ Поляками, нежели въ началѣ. Воспользовавшись отсутствіемъ ихъ союзника, Крымскаго Хана, Хмельницкій, соединившись съ войсками князя Ромодановскаго и Бутурлина, разбилъ 18-го сентября въ пухъ и прахъ Поляковъ при Слонигродскѣ, взялъ въ плѣнъ двухъ родственниковъ короннаго Гетмана Потоцкаго и многихъ полковниковъ; потомъ отправился къ Львову и продержалъ его 2 мѣсяца въ осадѣ. Другой же козачій отрядъ въ это самое время овладѣлъ Люблиномъ, разбилъ двухъ польскихъ Гетмановъ и возвратился въ Украйну съ богатой добычей.

Крымскій Ханъ, узнавъ, какъ Русскіе и козаки немилосердно бьютъ Поляковъ, поспѣшилъ помочь Полякамъ. Татары встрѣтились съ козаками при урочищѣ, называемой Озерная Стрѣлка, гдѣ и произошло сраженіе. Козаки разбили Татаръ. Ханъ изъявилъ желаніе вступить съ Богданомъ въ переговоры, на что храб-

рый Гетманъ немедленно согласился, потребовалъ только въ залогъ нѣсколько Мурзъ. Съ небольшой свитой отправился Богданъ въ палатку Менгли-Гирея. Ханъ принялъ его очень недружелюбно и даже дерзко; когда Гетманъ, по восточному обычаю, поднесъ ему подарки, то Ханъ бросилъ ихъ на землю и началъ укорять Хмельницкаго въ томъ, что онъ заключилъ союзъ съ Русскимъ Царемъ, а не съ нимъ, Ханомъ. На это Хмельницкій напомнилъ ему, съ своей стороны, о сраженіяхъ подъ Берестечкомъ и Жванцемъ, въ которыхъ Татары такъ подло измѣнили, такъ низко поступили съ козаками. Выслушавъ отвѣтъ Богдана, Ханъ пришелъ въ страшный гнѣвъ, грозилъ Гетману великой силой своихъ Татаръ, хвастаясь, что они еще подъ предводительствомъ Батыя приводили въ трепетъ не только одну Россію, но и Польшу и Германію. На эту угрозу Хмельницкій хладнокровно и даже насмѣшливымъ тономъ отвѣтилъ Менгри-Гирею.— «Неужели ты думаешь, Ханъ, что меня можно одурачить и напугать, какъ глупаго мальчишку? Я хорошо знаю, что Татарскія царства: Сибирское, Казанское, Астраханское и многія другія, откуда выходила безчисленная орда ваша,— вамъ ужъ помощи не дадутъ, находясь теперь подъ скиптромъ Русскаго Царя. Къ чему же вспомянулъ ты мнѣ о Батыѣ? Такъ знай же, что война подобна мечу обоюду острому. Пріобрѣтенное Батыемъ, потеряно Мамаемъ! Послѣ подобнаго отвѣта разговоръ прекратился, и Крымскій Ханъ и козачій Гетманъ разстались врагами на вѣки!

Вернувшись въ Чигиринъ, Хмельницкій отправилъ къ Государю, въ Москву, письмо, въ которомъ, отъ имени всей Малороссіи, благодарилъ за освобожденіе козаковъ

отъ Польскаго ига и за принятіе ихъ подъ крѣпкую, Царскую руку; желалъ отъ всей своей души возвращенія Государю и остальныхъ его наслѣдственныхъ земель: Волыни, Подолья, Полѣсья, незаконно загребленныхъ у Россіи Поляками; письмо оканчивалось слѣдующей просьбой «дабы малая Россія, при цѣлости вольностей своихъ, въ непремѣнной милости Высокомонаршей всегда благонадежно пребывала.»

Съ этого времени Хмельницкій самъ уже никуда на войну не ходилъ, а только всего разъ, снисходя просьбамъ Шведскаго Короля Карла X и Трансильванскаго Князя Ракоція, посылалъ къ нимъ въ 1656 году на помощь противъ Поляковъ вспомогательный отрядъ, подъ начальствомъ кіевскаго полковника Адамовича, который, разбивая вездѣ Поляковъ, участвовалъ во взятіи Шведами Кракова и Варшавы, гдѣ козакамъ досталась богатая добыча: они захватили огромную казну походную и всѣ королевскія драгоцѣнности.

А между тѣмъ Польскій Король Янъ Казиміръ, гонимый судьбою, преслѣдуемый вездѣ несчастіями, вынужденъ былъ не только помириться съ Богданомъ, но даже искать его помощи и всѣми средствами заискивать его союза и дружбы. Но всѣ старанія Казиміра были напрасны, Богданъ отвѣчалъ: что только тогда онъ готовъ забыть Польшѣ все то зло, что она сдѣлала Украйнѣ, если Казиміръ пришлетъ немедленно въ Чигиринъ полномочныхъ коммисаровъ, которые торжественно признаютъ козаковъ навсегда совершенно свободнымъ, независимымъ отъ Польши народомъ.

Послѣ долгихъ неудачныхъ сношеній съ Богданомъ, Казиміръ воспользовался несогласіемъ между Швеціей и Россіей и посредствомъ Вѣнскаго двора просилъ у

Россіи мира и помощи противъ Шведскаго короля. Царь Алексѣй Михайловичъ, будучи уже недоволенъ на Богдана за то, что онъ, безъ Его Царскаго позволенія, самовластно помогъ Шведскому королю, приказалъ козакамъ вступить въ походъ на защиту Поляковъ противъ Шведовъ.

Хотя Богданъ не смѣлъ ослушаться приказанія своего Государя, хотя онъ немедленно приказалъ собраться въ походъ и отправляться на помощь своимъ заклятымъ врагамъ—Полякамъ, но тѣмъ не менѣе ему было крайне непріятно подобное приказаніе. Ему казалось, что онъ обиженъ, скорбь и тоска овладѣли старымъ Гетманомъ. Высылая козаковъ подъ начальствомъ своего сына Юрія, Гетманъ приказалъ и ему, и старшинамъ козацкимъ всѣми силами стараться, какъ можно далѣе, не соединяться съ польской арміей и, какъ можно болѣе, находить предлоговъ оставаться въ бездѣйствіи; это приказаніе Гетмана было исполнено свято, а потому Казиміръ самъ долженъ былъ очищать Польшу отъ войскъ Карла X и Ракоція. Онъ ужасно разсердился на Богдана за подобную медвѣжью любезность и рѣшился ему отмстить во что-бы то ни стало. Онъ для этого поручилъ своему посланнику, Игнатію Бонковскому, донести Царю, что Хмельницкій уговаривалъ будто Трансильванскаго князя и Шведскаго короля напасть вмѣстѣ съ козаками на Россію.

Царь Алексѣй Михайловичъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Богданъ и козаки, послѣ столькихъ благодѣяній отъ Россіи, измѣнили-бы своей присягѣ, и послалъ въ Чигиринъ своего стольника Василія Петровича Кикина разслѣдовать доносъ. По разсмотрѣнію дѣла оказалось, что этотъ доносъ несправедливъ, что Казиміръ сдѣлалъ его толь-

ко для того, чтобы очернить честнаго Гетмана передъ Царемъ и отмстить ему за присоединеніе Украйны къ Россіи. Кикинъ, уѣзжая въ Москву, повезъ отъ Гетмана письмо къ Государю. Въ этомъ письмѣ Богданъ увѣрялъ Государя въ своей всегдашней любви и преданности къ Его Величеству и къ Россіи, клялся въ своей невинности и въ доказательство представилъ на видъ Царю, что Казиміръ безъ стыда, безъ совѣсти рѣшился присылать къ нему, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, своего секретаря Беньевскаго, который предлагалъ ему, Гетману, со всей Малороссіей, отъ имени Казиміра, отдѣлиться отъ Его Царскаго скиптра и заключить дружественный союзъ съ польской короной, чего онъ Гетманъ не только не рѣшится сдѣлать, но и думать объ этомъ не желаетъ. Что къ нему, Гетману, еще въ 1655 году присылали въ Чигиринъ своихъ агентовъ и Турецкій Султанъ, и Шведскій король, чтобы склонить Гетмана измѣнить Россіи.

Конечно, противъ всѣхъ этихъ искушеній честный Богданъ устоялъ; все это, разумѣется, могло служить для Царя Алексѣя Михайловича вѣрнѣйшимъ доказательствомъ невиновности Гетмана, но тѣмъ не менѣе все это и обижало, задѣвало самолюбіе честнаго Богдана и имѣло такое вліяніе на его высокую душу, что онъ сильно затосковалъ, здоровье его, и безъ того разстроенное всѣми невзгодами походной жизни, окончательно стало ему измѣнять. Замѣтно было съ каждымъ днемъ, какъ старѣлъ Хмельницкій; онъ дѣлался часто безпокоенъ, недовѣрчивъ, раздражителенъ, а тутъ еще, ко всему непріятному, Богданъ узналъ, что Кіевскій воевода Бутурлинъ донесъ Государю, что у Гетмана въ Чигиринѣ устраивался сеймъ, на которомъ съѣзжались посланники кня-

зя Рокоція, Молдавскаго и Валахскаго Господарей и Крымскаго Хана, и что, будто бы, вслѣдствіи этихъ совѣщаній, Гетманъ заключилъ съ Венгріей, Молдавіей Валахіей и Крымомъ дружественный и оборонительный союзъ. Хотя на доносъ Бутурлина Царь не обратилъ вниманія, убѣдившись уже въ честности и вѣрности Гетмана, но этотъ доносъ усилилъ болѣзнь Богдана и ускорилъ его кончину. Чувствуя, что скоро прійдется на вѣки покинуть Украйну, Гетманъ приказалъ собраться въ Чигиринѣ на 6 августа всѣмъ старшинамъ, полковникамъ, сотникамъ, хорунжимъ и всему козацкому войску.

Въ послѣдній разъ явился Богданъ среди обожавшихъ его козаковъ, и въ какомъ грустномъ положеніи! Мужественное лице его уже было покрыто смертельною блѣдностью, уже потухъ огонь его выразительныхъ глазъ, изчезъ его орлиный взглядъ, передъ которымъ трепетали его враги, ослабѣли его геройскія, сильныя руки, и, почти умирающій, герой, согнувшись отъ тяжести лѣтъ и болѣзней, выведенъ былъ къ тѣмъ самымъ козакамъ, которые въ битвахъ едва поспѣвали за своимъ удалымъ Гетманомъ, которые едва успѣвали собирать то, что онъ косилъ на войнѣ! Въ этотъ моментъ Чигиринская площадь, усѣянная козаками, ожидавшими, безъ шапокъ, появленія своего дорогаго Богдана, представляла величественную и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательную картину; глубокая тишина изрѣдка прерывалась тихимъ плачемъ закаленныхъ въ бояхъ, усатыхъ, старыхъ козаковъ. Но вотъ вышелъ и, собравшись съ духомъ, Хмельницкій произнесъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ короткую, но сильную по содержанію рѣчь. Въ этой рѣчи онъ сначала объяснилъ народу, какимъ образомъ подъ его предводительствомъ храбрые козаки избавили Украйну отъ

всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя она испытывала отъ Поляковъ, потомъ благодарилъ войско за его мужество и храбрость, оказанную имъ въ бояхъ противъ Поляковъ, Венгровъ, Валаховъ и Татаръ, а также и за то, что они выбрали его своимъ Гетманомъ и постоянно его слушали; сожалѣлъ, что Богъ не далъ ему окончить войну съ Поляками, такъ какъ ему этого хотѣлось; наконецъ, объявляя всѣмъ о своей скорой кончинѣ, поручалъ войску своего сына Юрія, приказалъ похоронить себя не въ Чигиринѣ, а въ своемъ родномъ Субботовѣ и окончилъ свою рѣчь вопросомъ— «кого козаки желаютъ послѣ его смерти имѣть Гетманомъ? Все начальство и все войско провозгласило въ одинъ голосъ своимъ Гетманомъ сына Богдана, молодого Юрія. Напрасно Богданъ совѣтывалъ старшинамъ и войску избрать Гетманомъ другого, болѣе опытнаго, нежели его молодой Юрій, но народъ и всѣ старшины настояли на своемъ и выбрали Юрія. Тогда старый Гетманъ, тронутый общей къ нему любовью народа, со слезами на глазахъ, подозвалъ къ себѣ сына и вручилъ ему гетманскіе клейноды. Потомъ совѣтывалъ ему уважать старшинъ, любить народъ и служить вѣрно Царю по своей присягѣ. Вотъ какія дорогія, почти святыя слова были произнесены, 6-го августа 1657 года, умирающимъ Гетманомъ, на Чигиринской площади.

Между тѣмъ страданья Гетмана увеличивались, смерть приближалась. Богданъ усердно молился Богу. 15-го августа 1657 года причастился онъ Святыхъ Тайнъ, ровно въ полдень грянула пушка, ударилъ 3 раза колоколъ соборной церкви, Богдана Хмельницкаго не стало. Одной честной, высокой душой стало меньше на Украйнѣ, а больше на небесахъ!!

Двѣ недѣли тѣло Гетмана лежало въ соборной Чиги-

ринской церкви, куда со всѣхъ концовъ Украйны шли старые и малые отдать послѣдній долгъ тому, кто такъ свято, по христіански, исполнилъ долгъ, завѣщанный ему отъ Бога.

30-го августа съ необыкновеннымъ торжествомъ понесли осиротѣвшіе козаки тѣло Гетмана въ Субботово, и такъ громко рыдали, опуская своего родного батьку въ могилу, что не слышно было церковнаго пѣнія.

Изъ устъ въ уста идетъ молва, что покой стараго Гетмана былъ нарушенъ безчестнымъ поступкомъ Чернецкаго. Преданіе говоритъ такъ: когда Чернецкій, въ 1664 году, перешелъ Днѣпръ съ польскимъ войскомъ и осадилъ въ мѣстечкѣ Бужинѣ Кошеваго атамана Сѣрка, надѣясь совершенно его уничтожить, то Сѣрко, въ ночь подъ первый день Пасхи, пробился сквозь многочисленные ряды непріятеля и ушелъ въ степи.

Эта неудача такъ раздражила мстительнаго Чернецкаго, что онъ выжегъ Бужино и Субботовъ, приказалъ выбросить изъ могилы, драгоцѣнныя для козаковъ, кости Богдана Хмельницкаго и его любимаго сына Тимофея, сжегъ ихъ, а могилы ихъ срылъ, такъ чтобы и слѣда не осталось. Вотъ какимъ низкимъ образомъ думалъ Чернецкій уничтожить въ народѣ память о великомъ Гетманѣ, но вмѣсто того, онъ только на вѣки обезславилъ самого себя!

Надгробный камень, гласившій о безсмертныхъ подвигахъ Богдана, хотя и разбитъ, но такимъ героямъ-освободителямъ не нужны памятники. Память о нихъ въ народѣ всегда будетъ жить.

Никакая злоба не въ силахъ никогда изгладить ту сердечную благодарность, которую и теперь, черезъ 200

лѣтъ, питаютъ Русскіе люди къ покойному Гетману. Церковь, въ которой упокоился прахъ Хмельницкаго, существуетъ и до сихъ поръ въ Субботовѣ, и теперь еще, при каждомъ Богослуженіи, священникъ и народъ усердно молятъ Бога за упокой души создателя этого храма и благодѣтеля Украйны.

Московская Губернская
Центральная Библиотека

ЦѢНА 40 КОП.

Того же автора: Влюбленный Чортъ и Легенда о Запорожцахъ.